

I.

ГЕНЕРАЛЬ И АДМИРАЛЬ

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЬ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

X (*).

1694-й годъ —Пріѣздъ Петра Лееорта въ Москву.—Отказы амстердамскаго бургомистра Витесена о генералѣ Лееортѣ.—Письма Петра Лееорта въ Женеву о дядѣ.—Семейныя обстоятельства генерала Лееорта.—Отправленіе сына Лееортова въ Женеву.—Александръ Гордонъ, какъ обвинитель Лееорта.—Религіозныя и моральныя убѣжденія Лееорта.—Оцѣнка его по законамъ исторической критики.

1694-й годъ былъ для Петра годомъ достопамятнымъ во многихъ отношеніяхъ. Кончина марицы Наталіи Бириловны, имѣвшей до сихъ поръ на сына своего сильное вліяніе; обширныя приготовленія къ поѣздѣ въ Архангельскъ; пребываніе тамъ, много способствовавшее успѣху морскаго дѣла; по возвращеніи оттуда, большіе маневры—настоящій походъ; наконецъ рѣшимость возобновить борьбу съ турками и татарами—все это совершилось въ короткій годовой промежутокъ и вызвало многознаменательный поворотъ въ жизни молодого государя. Дѣйствія его, относящіяся къ этому времени, послужили фундаментомъ всей его послѣдующей системы. Лефорть былъ, въ эту пору, не только неразлучнымъ спутникомъ Петра, но и проявилъ такую многостороннюю дѣятельность, что Петръ, оцѣнивъ ее, возвелъ своего любимаго сотрудника на высшую степень почестей и силы. Исполнилось и пламенное желаніе Лефорта видѣть при себѣ одного изъ своихъ племянниковъ, въ которомъ дядя надѣялся воспитать полезнаго работника для своего царя—благодѣтеля.

Петръ Лефорть, второй сынъ синдика Ами Лефорта, былъ, наконецъ, назначенъ къ отправленію въ далекую Московію, послѣ того

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1870 г. №№ 7, 8, 9, 10 и 11.

какъ отецъ его получалъ изъ Москвы новое удостовѣреніе, что генералъ выйдетъ навстрѣчу молодому человѣку довѣренныхъ людей или въ Кенигсбергъ, или въ Ригу, или въ Новгородъ, или въ Архангельскъ, и что не только будутъ уплачены все путевыя издержки, но и предоставлена будетъ юношѣ полная свобода выѣхать изъ Россіи во всякое время. Спутникомъ молодого Лефорта вывася быть бавельскій купецъ Хервагенъ, уже посѣщавшій, по торговымъ дѣламъ, Ригу и даже Москву.

Судя по соціальному положенію женеваго синдика Ами Лефорта, человѣка образованнаго и весьма уважаемаго, надобно думать, что онъ далъ своимъ сыновьямъ тщательное воспитаніе. Петръ Лефортъ, окончивъ обычный курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, намѣревался посвятить себя, подобно большинству женевакихъ гражданъ, торговлѣ и, по всей вѣроятности, не поколебался ѣхать въ Россію именно съ цѣлю заняться тамъ выгодными торговыми дѣлами, но гдѣ, однако, ожидала его другая судьба. Ему было девятнадцать лѣтъ, когда, въ первыхъ числахъ іюля, онъ отправился изъ Женевы, чрезъ Германію, въ Амстердамъ. Здѣсь его встрѣтилъ радушно бургомистръ Витсенъ, который велъ постоянную переписку съ генераломъ Лефортомъ и, питая горячее сочувствіе къ великому царю и къ его любимцу, хорошо зналъ чрезъ барона фанъ-Келлера и другихъ голландцевъ обо всемъ происходившемъ въ Москвѣ. «Онъ (Витсенъ) сказалъ мнѣ», писалъ Петръ Лефортъ своему отцу, «что дядя находится тамъ въ такомъ же положеніи, какое занимаетъ лордъ Портлендъ при англійскомъ королѣ и какое занималъ нѣкогда г. фонъ-Вальдекъ въ генеральныхъ штатахъ. Здѣсь (въ Амстердамѣ) многіе знаютъ дядю; они говорили мнѣ о немъ какъ о чемъ-то удивительномъ (*d'une chose merveilleuse*) и рассказывали, какъ онъ любимъ всеми подданными (*de tous les sujets*). Но г. Витсенъ находитъ, что генералъ поступаетъ очень дурно (*très mal*), не заботясь о своемъ кошелькѣ (*ne pas faire sa bourse*). Это главное дѣло, рекомендованное мнѣ имъ (Витсеномъ), и я поступлю такъ, если Богъ вразумитъ меня». Изъ Амстердама Петръ Лефортъ отправился въ Любекъ, а отсюда, моремъ, въ Нарву, гдѣ, по рекомендаціи дяди, былъ встрѣченъ и принятъ съ почетомъ тамошнимъ комендантомъ, бургграфомъ Кохомъ, прежнимъ шведскимъ посланникомъ при московскомъ дворѣ. Въ Новгородѣ молодого жецевца также ожидалъ почетный приѣзъ со стороны тамошняго воеводы, князя Прозоровскаго, а по приближеніи къ Москвѣ (22-го ноября) генералъ Лефортъ выѣхалъ навстрѣчу своему племяннику, за три

часа отъ города, со многими боярами. Въ числѣ ихъ находился многократно и самъ государь, удостоившій пріѣзжаго допустить къ рукѣ.

Извѣщая брата о пріѣздѣ племянника, Францъ Яковлевичъ писалъ: «Радости, ощущенной мною при свиданіи съ моимъ любимымъ племянникомъ, вашимъ сыномъ, я выразить не въ состояніи, тѣмъ менѣе, что нашею его одареннымъ всеми качествами честнаго и добраго человѣка. Милости, полученныя имъ отъ Его Царскаго Величества П. А. (Петра Алексѣевича), несравненны, и завтра, какъ я надѣюсь, онъ будетъ имѣть честь видѣть нашихъ обоихъ великихъ государей на тронѣ».

Эта аудіенція, для передачи царямъ рекомендательнаго письма отъ женеваской республики, состоялась, спустя нѣсколько дней, со всеми, подобающими чрезвычайному посланнику, почестями. Оба монарха сидѣли на своихъ престолахъ, когда Петръ Лефортъ, введенный съ обычными церемоніями, подалъ письмо, которое держалъ купецъ Хервагенъ. «По прочтеніи письма», извѣщалъ сынъ отца, «меня спросили: «какъ поживаетъ республика»? Я отвѣчалъ: «всегда къ услугамъ вашихъ величествъ». Потомъ освѣдомились о моемъ здоровьѣ, на что я сказалъ: «всегда готовъ исполнять приказанія вашихъ величествъ». Послѣ этого мнѣ объявили, что я приглашенъ къ царскому столу. Цари допустили меня къ рукѣ; словомъ, мнѣ оказаны такія же почести, какъ бы я былъ посланникомъ».

Теперь представлялся вопросъ: что же будетъ дѣлать Петръ Лефортъ въ Россіи, чѣмъ заниматься? Дядя имѣлъ въ виду опредѣлить его въ военную службу, но предварительно хотѣлъ, чтобы племянникъ выучился русскому языку, для чего и далъ ему учителя. «Пусть въ теченіе года узнаетъ онъ страну, а потомъ увидимъ что пожелаетъ онъ предпринять», писалъ Францъ Яковлевичъ своему старшему брату. Самъ Петръ Лефортъ, да, кажется, и отецъ его, помышляли, напротивъ, о торговыхъ дѣлахъ, хотя молодой человѣкъ не отказывался заняться «военными упражненіями, которыя», писалъ онъ въ Женеву, «безспорно, главный пунктъ, чтобы имѣть успѣхъ въ Россіи».

О дядѣ своемъ Петръ Лефортъ писалъ Исааку Лефорту (т. е. другому своему дядѣ): «Вы желали, чтобы я сообщалъ вамъ подробныя извѣстія о моемъ дядѣ. Прежде всего замѣчу, что онъ человѣкъ чрезвычайно щедрый, любить, чтобы все у него шло на большую ногу (*à la grandeur*), и едва-ли кто даже въ Европѣ живетъ болѣе широко. Однихъ подарковъ, имъ получаемыхъ, было

бы за-глаза достаточно прокормить и содержать всехъ его людей. Если бы онъ захотѣлъ откладывать что-нибудь въ видѣ сбереженія, то могъ бы дѣлать это съ величайшею легкостію; но чувство чести, питаемое имъ къ монарху, побуждаетъ его идти противоположнымъ путемъ. Онъ самъ говоритъ, что для сына его довольно и того, что есть въ домѣ. Положеніе, занимаемое имъ по милости Божіей, обязываетъ его поддерживать оное. Государь, любящій его какъ брата, будетъ ему и всей его семьѣ опорой, пока живъ».

На желаніе бабушки имѣть точныя свѣдѣнія о сынѣ Францѣ, внукъ отвѣчалъ: «Что касается моего дяди, то онъ остался такимъ же, каковымъ былъ, хотя и находится нынѣ на столь высокой степени, что и въ Европѣ немногіе государи проживаютъ большія суммы. Все у него широко: ежедневно отарытый столъ, многочисленная прислуга, сорокъ лошадей. Домъ хотя и деревянное зданіе, но весь ма помѣстительный. Теперь возять камни для постройки дома въ итальянскомъ стилѣ (*à l'Italie*)».

Прежде чѣмъ Петръ Лефортъ рѣшился избрать себѣ родъ занятій, открылась война съ турками. Въ первомъ азовскомъ походѣ онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера и постоянно находился въ царской свитѣ; во второмъ же походѣ не пожелалъ принять участія, остался въ Москвѣ, и рѣшительно отказался вступить въ военную службу, не представлявшую ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Единственною цѣлю его стремленій была торговля: онъ мечталъ только о томъ, какъ бы уѣхать въ Китай и поскорѣе обогатиться посредствомъ коммерческихъ сношеній съ этою странюю.

Обманутый въ своихъ желаніяхъ и надеждахъ приготовить изъ племянника полезнаго царскаго слугу, генераль Лефортъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣтилъ въ Москвѣ одного изъ своихъ женеvскихъ родственниковъ, пріѣхавшаго съ рѣшительнымъ намѣреніемъ посвятить себя военной службѣ въ Россіи. Это былъ Михаилъ Лектъ, младшій сынъ его дяди (со стороны матери) Жанъ-Жака Лекта, оба брата котораго уже служили во французскихъ войскахъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву осенью 1695 года, въ самый разгаръ приготовленій къ новому азовскому походу, когда охотно принимали явземныхъ офицеровъ, немедленно былъ опредѣленъ въ полкъ своего двоюроднаго брата, получилъ чинъ майора и въ предстоящую войну имѣлъ назначеніемъ быть въ «морской ротѣ» адмирала. Онъ скоро свыкъся съ новымъ своимъ отечествомъ, и не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ, слѣдуя тогдашнимъ обычаямъ, рѣшился жениться на дочери вдовы генераль-майора Крафойрда. Обрученіе про-

исходило съ большою торжественностію, въ домѣ Лефорта и въ присутствіи Петра, послѣ чего женихъ выступилъ въ походъ.

Мѣсяцами двумя ранѣе прибылъ въ Москву, съ рекомендательнымъ письмомъ, другой землякъ Лефорта, бернскій уроженецъ Альбертъ Морло, предложившій свои услуги въ качествѣ инженера. Определенный, съ чиномъ майора, въ первый отборный полкъ, онъ тотчасъ же отправился на театръ военныхъ дѣйствій и принималъ участіе въ первой осадѣ Азова.

Такимъ образомъ, стараніями Лефорта, вступили въ службу Петра четыре офицера (считая Сенебье и Булоа), и, пользуясь его покровительствомъ, котораго оказали себя достойными, пошли быстро. Двое изъ нихъ пали въ бѣгу.

Покровительствуя отдаленнымъ родственникамъ и даже просто землякамъ, генералъ Лефортъ, по врожденному чувству справедливости, вовсе не думалъ поддерживать своего роднаго племянника въ его коммерческихъ замыслахъ, тѣмъ болѣе, что молодой человѣкъ рассчитывалъ на его ходатайство у царя относительно снаряженія экспедиціи въ Китай, въ которой ему хотѣлось принять участіе съ торговыми цѣлями. Впослѣдствіи непріятныя столкновенія между дядею и племянникомъ по этому вопросу уладились; Петръ Лефортъ и главный его совѣтникъ, купецъ Хервагенъ, оставили мысль о Китаѣ, и мы увидимъ молодаго человѣка въ знаменитомъ посольствѣ, которое покажетъ его съ другой стороны.

Теперь же, для полноты характеристики генерала Лефорта, необходимо взглянуть на его семейную жизнь.

Въ этомъ отношеніи, судьба послала Францу Яковлевичу тяжелыя испытанія: въ періодъ въ 1680 по 1691 годъ, частію въ Кіевѣ, частію въ Москвѣ, всѣ его дѣти, восемь или десять человѣкъ, умерли въ младенческомъ возрастѣ, большею частію вскоре послѣ рожденія. 11-го октября 1691 года онъ похоронилъ свою послѣднюю дочь, такъ что теперь у него остался единственный сынъ, по имени Андрей (*), родившійся въ Москвѣ въ 1685 году и крещенный, какъ и всѣ дѣти, по обряду реформатской церкви.

Въ прежнихъ письмахъ къ роднымъ отецъ рѣдко, и то мимоходомъ, упоминалъ о сынѣ Андрѣѣ, и только въ 1693 году впервые писалъ о немъ брату Ами нѣсколько подробнѣе: «Сынъ мой охотно желалъ бы отправиться въ Женеву (къ бабушкѣ), но онъ еще слишкомъ малъ, и я подожду годъ. Между тѣмъ онъ проводитъ время

(*) Онъ назывался собственно Анри (Henry), но во всѣхъ русскихъ бумагахъ и въ историческихъ сочиненіяхъ его именуютъ Андреемъ.

недурно; ибо хотя до сихъ поръ строго запрещено видѣть молодаго царевича (Алексѣя) прежде пятнадцатилѣтняго возраста, а царевичу нѣтъ и четырехъ лѣтъ, однако сынъ мой у него бываетъ, чего никому другому недозволено. Царевичъ желаетъ непремѣнно, чтобы сынъ мой приходилъ къ нему, и притомъ одинъ, и принимаетъ его чрезвычайно ласково. Никакой иноземецъ, ни даже вельможа (seigneur), не смѣетъ посѣщать царевича. Это особенная милость, оказываемая имъ величествами всей нашей фамиліи» (*).

Въ томъ же году восьмилѣтній Андрей Лефорть получалъ особаго учителя или гувернера, саксонца Штрака, которому отецъ давалъ ежегодно по 150 талеровъ, кромѣ квартиры, стола и одежды, и который долженъ былъ сопровождать мальчика въ Женеву, куда рѣшено было отправить его для воспитанія.

Если генералъ Лефорть рѣшился разстаться со своимъ единственнымъ сыномъ, то на это должны были существовать важныя причины. И онѣ, дѣйствительно, существовали, и притомъ по весьма щекотливому вопросу.

Выше было говорено о конфесіональныхъ отношеніяхъ между обывателями Нѣмецкой Слободы и о томъ, что жена Лефорта, ревностная католичка, раздѣляла образъ мыслей съ Гордонами, своими родственниками. Въ прежніе годы, старикъ Гордонъ относился къ молодому Францу, какъ покровитель къ покровительствуемому; но Францъ велъ себя такъ умно, что, даже въ трудныхъ религіозныхъ вопросахъ, умѣлъ уживаться съ своею строго-католическою роднею. Однако общія столкновенія по поводу римско-католическихъ принциповъ и папистскихъ стремленій усиливались, и тѣмъ менѣе могли оставаться безъ вліянія на положеніе Лефорта, чѣмъ самобытнѣе онъ становился и чѣмъ ревностнѣе дѣйствовалъ генералъ Гордонъ, какъ стар-

(*) Полевой, въ „Обозрѣніи русской исторіи“ (стр. 255), пишетъ, что, по случаю свадьбы капитана Сенебье, Лееорть давалъ большое празднество, продолжавшееся три дня, и что Петръ былъ на этомъ празднествѣ со своимъ четырехлѣтнимъ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ, которому Лееорть представилъ своего восьмилѣтняго сына Андрея. Полевой прибавляетъ, что отцы радовались на своихъ дѣтей, ласка себя, быть можетъ, надеждою, что Андрей займетъ со временемъ такое же мѣсто при царевичѣ, какое занималъ отецъ при царѣ... Свадебное празднество происходило, въ половинѣ 1692-го года, дѣйствительно въ домѣ Лееорта; очень вѣроятно также, что Петръ присутствовалъ здѣсь, хотя объ этомъ и не упоминается въ современныхъ письменныхъ документахъ. Несомнѣнно то, что царевичу было въ это время не четыре года, а только два съ половиною. Возможно ли, что бы Петръ ввзялъ съ собою такого ребенка въ общество иностранцевъ? Ни Сенебье, писавшій о своей свадьбѣ матери, ни самъ Лееорть въ письмахъ къ брату ничего не говорятъ объ этомъ еяствѣ, который былъ бы, однако, гораздо знаменательнѣе, чѣмъ позднѣйшее посѣщеніе Андреемъ царевича, или желаніе царевича чаще видѣть его у себя.

нина и протекторъ римско-католической общины въ Слободѣ. Его дошъ и его семья были средоточіемъ напизма. Зять его, полковникъ Страсбургъ, перешедшій, какъ извѣстно, въ католицизмъ по внушенію тестя, умеръ, и вдова, съ тремя дѣтьми, сыномъ и двумя дочерьми, получившая отъ царя Петра богатую пенсію, переселилась къ отцу. Кромѣ младшаго сына, уже назначеннаго къ отправленію въ браунсбергскій іезуитскій коллегіумъ, Гордонъ имѣлъ при себѣ еще сыновей Менезеса и Гамильтона, которыхъ воспитывалъ въ строго-конфессіональномъ духѣ. Въ это время вторая дочь престарѣлаго генерала вышла замужъ за капитана кальвинистскаго исповѣданія, и отецъ уже надѣялся, что новый зять также переимѣнитъ вѣру. Оруженная подобною роднею, жена Франца Яковлевича не могла не скорбѣть, что ея единственное дитя принадлежитъ къ реформатской церкви и, конечно, старалась возвратитъ его въ лоно римско-католической. Обстоятельства благопріятствовали тому. Сама Елисавета Лефорть все тѣснѣе и тѣснѣе сближалась съ Гордонами и, послѣ смерти своей матери, вполне предалась набожности, или, пожалуй, ханженству, внося богатые вклады въ церковь. Цѣли своихъ желаній относительно сына она надѣялась достигнуть тѣмъ легче, чѣмъ ревностнѣе заботилась развивать и поддерживать впечатлѣнія, получаемыя мальчикомъ въ домѣ Гордоновъ. Здѣсь Андрей находилъ своихъ ближайшихъ и любимѣйшихъ товарищей игръ въ дѣтяхъ полковника Страсбурга, сынъ котораго былъ ему почти ровесникъ, и, очень естественно, воспринималъ отъ нихъ и религіозныя убѣжденія. Между тѣмъ, отсутствіе Франца Яковлевича изъ дома становилось чаще и чаще, вслѣдствіе усложненія занятій съ царемъ, и, такимъ образомъ, воспитаніе сына почти всецѣло было въ рукахъ матери. Правда, отецъ передалъ крѣпкаго и рано-развитаго мальчика особенной заботливости гувернера, но это не мѣшало матери руководитъ его воспитаніемъ, да и самая жизнь въ родительскомъ домѣ, постоянно полнымъ гостями, противорѣчила серьезному наблюденію воспитателя за питомцемъ. Наконецъ, частое пребываніе мальчика въ католической семьѣ Гордоновъ должно было имѣть тѣмъ болѣе неблагопріятныя послѣдствія, чѣмъ рѣзче проявлялась переимѣна въ прежнихъ чувствахъ этой семьи къ его отцу.

Въ 1692 году, между Патрикомъ Гордономъ и Францомъ Лефортомъ возникло охлажденіе, если не разладъ, по поводу назначенія Франца Яковлевича полковникомъ перваго отборнаго полка. Это и значеніе чрезвычайно раздражило Гордона, долго командовавшаго второю дивизіей отборныхъ войскъ, и онъ употреблялъ всѣ средства, прибѣгалъ ко

всякаго рода интригамъ—«папистскимъ», употребляя выраженіе Дефорты—чтобы побудить Петра къ оти́нѣ приказу. Итальянцы не могли, однако, остановить объявленія Дефорты командиромъ полка, ставшаго, по спискамъ, выше того, которымъ начальствовалъ Гордонъ. И прежде старый генералъ завистливо смотрѣлъ на возвышеніе своего родственника, на довѣріе, оказываемое ему Петромъ; теперь же, какъ первый руководитель молодого царя на учебномъ плану и на маневрахъ, онъ особенно чувствовалъ себя оскорбленнымъ при устраненіи отъ предположенной организаціи весьма важной части. Сложившіяся, въ дѣлѣ, въ то время, столкновенія между обоими генералами хотя и не обнаруживались ни въ соціальной, ни въ дѣловой жизни, благодаря, безъ сомнѣнія, посредничеству Петра и благоразумію соперниковъ, но въ тѣсныхъ семейныхъ отношеніяхъ дѣло сложилось иначе.

Еще въ первой половинѣ 1693 года, Дефорты извѣщала своего брата, что намѣренъ послать своего сына въ Женеву для воспитанія. Это намѣреніе могло быть отложено или затруднено тѣмъ, что мальчика чаще стали возить къ царевичу Алексѣю; очень вѣроятно—по особеннымъ видамъ Петра. Незадолго передъ второю побѣдою съ царемъ въ Архангельскѣ (слѣдовательно, въ 1694 г.), Дефорты былъ призванъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, и, при аудіенціи, два раза цѣловалъ руку царицы, которая, между прочимъ, поручила сказать женѣ генерала, что, если она пришлетъ за нею, то чтобы г-жа Дефорты пріѣхала. Вскорѣ по прибытіи въ Архангельскъ, Францъ Яковлевичъ получалъ отъ своей жены и отъ многихъ бояръ письма и вслѣдъ за тѣмъ извѣщала брата: «Императрица (царица) прислала парадную карету (carosse d'honneur, колымагу), съ одной изъ первыхъ придворныхъ дамъ и съ другими особами, ѣздившими въ отдѣльныхъ экипажахъ. Подобнымъ же образомъ прислали и за мной сыномъ. Такъ какъ жена моя являлась ко двору въ первый разъ, то императрица жаловала ее къ руцѣ два и даже три раза. И сынъ мой цѣловалъ руку царя Іоанна Алексѣевича. Жена получила прекрасные подарки отъ императрицы, а сынъ получалъ подарки отъ его царскаго величества.... Слѣдующая почта извѣстила меня, что жена моя опять была привозима ко двору (en haut, вверхъ), къ супругѣ царя Петра Алексѣевича, находящагося здѣсь (въ Архангельскѣ), а сына возили къ молодому царевичу Алексѣю Петровичу. И тамъ оба они получили такіе же богатые подарки. И еще разъ жена и сынъ были у царя Іоанна Алексѣевича, снова получили богатые подарки и отвезены домой съ тою же церемоніею».

Если въ это время, или скорѣе потомъ, Дефорты тѣмъ не по

нѣе твердо рѣшился разстаться со своимъ сыномъ и послать его на родину для воспитанія, то это былъ такой шагъ, котораго, судя по извѣвающимся документамъ, не понимали въ Женевѣ: здѣсь знали, что государь любилъ сына своего приближеннаго сотрудника, видѣлъ его почти ежедневно, ласкалъ его; знали также и нѣжный возрастъ Андрея. Сдѣлать такой шагъ Лефорть не могъ безъ согласія Петра и, конечно, объяснялъ ему побудительныя причины. Онъ долженъ былъ представить царю, что желалъ дать сыну основательное образованіе, что въ Женевѣ мальчикъ могъ приобрести свѣдѣнія въ военномъ дѣлѣ, приготовиться быть солдатомъ, и, безъ сомнѣнія, такой планъ понравился его величеству. Но Лефорть имѣлъ и иную, болѣе главную, причину къ разлукѣ съ сыномъ: то была твердая воля воспитать свое единственное дитя въ вѣрѣ предковъ. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія, онъ раскрылъ предъ царственнымъ другомъ и свою внутреннюю религіозную жизнь, и вѣщія конфессіональныя отношенія, господствовавшія въ Ивницкой Слободѣ. Послѣ этого Петру предстояло какъ бы рѣшить вопросъ о столкновеніи между представителями въ Слободѣ церкви римско-католической и евангелической—тѣми представителями, которыхъ онъ уважалъ и въ отношеніи которыхъ хотѣлъ быть равно-справедливымъ.

Въ письмѣ къ брату Ами, Лефорть весьма осторожно намекалъ на то, что жена его «другаго исповѣданія», но высказывался точно и опредѣлительно, что желаетъ воспитать своего сына въ вѣрѣ отцовъ. Племянникъ генерала, Петръ, пріѣхавъ въ Москву, писалъ въ Женеву: «Она (мать) портитъ его (мальчика) въ—конецъ, что причиняетъ великое огорченіе (*un grave-souffr*) моему дядѣ». Такія побудительныя причины къ удаленію Андрея изъ родительскаго дома и были представлены царю. Петръ, вникнувъ въ дѣло, не только одобрилъ рѣшимость отца послать сына въ Женеву, но и вызвался принять на себя всѣ расходы. Имѣлъ-ли при этомъ Петръ въ виду отправить за—границу и своего сына для воспитанія, утвердительно сказать нельзя; но позволительно думать, что отсылку сына своего любимца «*pour apprendre ce qui est nécessaire à un soldat à savoir toutes sortes d'exercices*» («выучиться всему необходимому для солдата, узнать всякаго рода военные упражненія», какъ выражался самъ Лефорть) онъ находилъ полезною и для своихъ молодыхъ русскихъ, и потому хотѣлъ показать примѣръ, что охотно готовъ поддерживать подобныя заграничныя путешествія. Могла преобладать здѣсь и другая мысль: ближе познакомить западную Европу съ Россіей.

Десятилѣтняго Андреа Лефорта описываютъ мальчикомъ большаго роста, крѣпкаго сложенія и веселаго характера (*). «Онъ настоящій москвитинъ» сказано въ одномъ письмѣ Петра Лефорта въ Женеву; «но нельзя не замѣтить въ немъ черты лица нашей фамиліи; онъ еще очень молодъ и очень вѣтрянь (étourdi)». Объ умственномъ образованіи мальчика упоминается только, что онъ, кромѣ роднаго языка (французскаго), говоритъ по-русски, по-нѣмецки и по-фламандски, и знаетъ немного латинскій. Самъ отецъ характеризовалъ сына такъ: «Онъ разуменъ, несмотря на нѣжный возрастъ, и изъ него можно сдѣлать все, что только пожелають». Г-жа Лефортъ, съ своей стороны, была неутѣшна отъ предстоявшей разлуки съ сыномъ. «Мать въ отчаяніи; отъ горя и тоски она заболѣла, и это продолжится до тѣхъ поръ, пока онъ не уѣдетъ», было писано въ Женеву.

Первоначально предполагалось отправить Андреа съ прежнимъ гувернеромъ и съ дядькою-татаринимъ дворянскаго рода; потомъ думали поручить его купцу Хервагену; но оба эти плана были оставлены и заключено условіе съ нѣсколькими негоціантами, ѣхавшими въ Амстердамъ, чтобы они довели туда генеральскаго сына. Ему должны были сопутствовать три мальчика, о которыхъ Лефортъ писалъ брату: «Одинъ мальчикъ, братъ служащаго здѣсь майора и котораго я очень люблю, называется Вейде; онъ, вмѣстѣ съ сыномъ моимъ, можетъ учиться военнымъ упражненіямъ; онъ хорошо пишетъ по-русски и по-нѣмецки. Два другіе мальчика—мои крѣпостные (esclaves). Семень, постарше, родомъ китаецъ, ловко стрѣляющій изъ лука; онъ тихъ и скромнень. Младшій—татаринъ, прещенный въ лютеранской вѣрѣ; онъ шалунъ и въ родѣ карлика; его надо держать строго. Прежде онъ былъ въ Англіи, въ Норвегіи и въ Голландіи» (**).

Приготовленія къ путешествію сдѣланы были истинно-царственныя и приняты всѣ мѣры, чтобы доставить маленькому Лефарту повсюду наилучшій пріемъ. Петръ далъ ему письмо къ амстердамскому бургомистру Витсену, съ приложеніемъ дорогаго подарка—своего портрета, осыпаннаго брилліантами, цѣною въ тысячу шестьсотъ талеровъ. «Это первый портретъ, снятый съ царя Петра Алексѣе-

(*) „Il est grand, noir de visage et cheveux, éveillé et fort robuste“, писалъ Петръ Лефортъ своему отцу.

(**) О маленькихъ спутникахъ Андреа Петръ Лефортъ замѣчаетъ: „Я много просилъ дядю не посылать этихъ двухъ мальчиковъ, но напрасно. Не знаю, какіе у него на то причины... Любить, что бы все было на большую ногу“.

вича», писалъ Лефорть брату Ами. «Онъ принадлежалъ мнѣ; но какъ другіе портреты еще не были готовы, то послали Витсену этотъ» (*).

Сенаторамъ женеvской республики Андрей Лефорть повезъ царскую грамату, въ которой, съ теплымъ участіемъ, выражены были желанія о радушномъ приѣмѣ мальчика. Но преимущественно Францъ Яковлевичъ заботился о томъ, чтобы обратить на своего сына любовь и всевозможныя попеченія бабушки и дяди Ами; онъ просилъ ихъ убѣдительно устроить Андрея и строго слѣдить за тѣми его учебными занятіями, которыя касались военныхъ наукъ и упражненій. Вообще онъ старался заинтересовать всѣхъ своихъ женеvскихъ родственниковъ, и послалъ богатые подарки матери, сестрамъ, невѣсткамъ и племянницѣ (матери горностаевую шубу, а остальнымъ куньи мѣха). Старшій братъ получалъ превосходнаго цвѣта восточный рубинъ, въ необработанномъ видѣ, вѣсомъ въ 16¹/₂, караты; женѣ его присланы триста талеровъ деньгами (**).

Снаряженіе въ путь маленькаго Лефорта сдѣлано было, какъ сказано, въ размѣрахъ истинно-царскихъ. Собственно на дорогу царъ ассигновалъ до шестисотъ червонцевъ; гардеробъ и другія вещи от-

(*) До сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія, портретъ Петра, подаренный амстердамскому бургомистру, не отысканъ; но какъ портретъ—собственность Леорты — былъ вскорѣ замѣненъ другимъ, то въ этой, по всей вѣроятности первой копіи съ перваго изображенія царя, должно признать тотъ самый портретъ, который Францъ Яковлевичъ носилъ на груди до смерти своей. Копія была изготовлена въ первой половинѣ 1695 года, и если вспомнить тогдашнія отношенія Леорты къ Петру, то можно думать, что художникъ и въ этой работѣ вѣрно воспроизвелъ подлинникъ. Такимъ образомъ, уцѣлѣвшій донынѣ портретъ Петра Великаго, подаренный Леорту, предшествовалъ тремъ или четырѣмъ годамъ портрету, исполненному въ Лондонѣ и обыкновенно почитаемому первымъ, по времени, изображеніемъ бессмертнаго преобразователя Россіи. На немъ Петръ представленъ двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ отъ рода. Портретъ, принадлежащій нынѣ потомкамъ Франца Яковлевича, писанъ на слоновой кости и сохранился очень хорошо; въ вышину онъ имѣетъ десять линий, въ ширину семь съ половиною линій; вставленъ въ узенькій золотой ободокъ, а на тыльной сторонѣ закрытъ золотомъ дощечкою; къ ней приделаны два уха, чрезъ которыя продѣвлася лента, для прикрѣпленія портрета къ кастану. Копія съ этого портрета, очень удачно отпечатанная красками въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, приложена ко второму тому историческаго труда доктора Посселя.

(**) Вотъ еще примѣръ щедрости генерала Леорты. Братья Ами и Исаакъ просили его прислать нѣсколько мѣховъ для шубы, которую они хотѣли подарить вдовствующей герцогинѣ Савойской. Онъ купилъ и послалъ: три черныхъ соболя; два соболя такъ называемыхъ бѣлыхъ; одинъ горностаевый мѣхъ; одну черную лисицу; коверъ, вышитый золотомъ à la chinoise; два ящика изъ благоvннаго дерева; пятнадцать мотковъ шелку; двѣнадцать чашекъ съ блюдечками, изъ сарфора тонкаго какъ бумага, и еще нѣсколько вещей. Все это Андрей долженъ былъ лично вручить герцогинѣ.

личались богатствомъ и обиліемъ; въ предѣлахъ Россіи приняты мѣры къ тому, чтобы доставить Андрею всякія удобства, о чемъ было писано воеводамъ; на почтовыхъ станціяхъ заготовлено большее число лошадей.

Андрей выѣхалъ изъ Москвы 8-го февраля 1695 года; о благополучномъ же прибытіи его въ Женеву значится въ протоколѣ совѣта республики, отъ 19-го іюня того же года, слѣдующее: «Господинъ первый синдикъ (Ами Лефортъ) доложилъ, что благородный Анри Лефортъ, мальчикъ лѣтъ десяти или одиннадцати, единственный сынъ господина Франсоа Лефорта, нашего согражданина, генерала арміи царей російскихъ, прибылъ напередъ въ нашъ городъ—куда присланъ своимъ отцомъ—отдалъ ему, синдикку, визитъ, въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ родственниковъ, и объявилъ, что его монархи оказали ему честь и дали грамоту на имя совѣта, которую онъ и желаетъ вручить. Постановлено: принять, сегодня утромъ, въ аудіенціи совѣта благороднаго Анри Лефорта; государственный совѣтникъ Фавръ имѣетъ встрѣтить его при входѣ въ залу и проводить до находящихся предъ первымъ синдикомъ кресель; по принятіи, вскрытіи и прочтеніи царскаго письма, причемъ господа члены совѣта будутъ стоять съ непокрытою головою, имѣетъ первый синдикъ объявлять, что совѣтъ весьма тронуть честью, оказанною ему ихъ царскими величествами, что мы потщимся сохранить ихъ драгоценное благоволеніе, и что, въ особенности, совѣтъ поставитъ себѣ за великое удовольствіе засвидѣтельствовать, въ лицѣ его, Анри Лефорта, глубокое уваженіе къ его родителю. Затѣмъ упомянутый благородный Фавръ имѣетъ проводить его обратно до дверей залы».

«Вслѣдствіе сего благородный Анри Лефортъ, сопровождаемый своими дядями, Ами Лефортъ и Бартеlemi Лектомъ, вступилъ въ государственный совѣтъ и, согласно съ данными инструкціями, былъ введенъ и посаженъ. Такъ какъ онъ не говоритъ по-французски (?), то господинъ Ами Лефортъ объяснилъ причины, почему отецъ прислалъ его въ нашъ городъ, и упомянулъ о чести, оказанной ему (Анри) рекомендаціей державнѣйшихъ царей, равно и о просьбѣ господина генерала совѣту принять его единственнаго сына въ милость и покровительство, за что онъ сохраняетъ вѣчную благодарность. Послѣ этого молодой «seigneur» представилъ господину первому синдикку царское письмо, вскрытіе и прочтеніе котораго было исполнено господиномъ секретаремъ Готье, причемъ всѣ члены государственнаго совѣта стояли съ непокрытою го-

ловою. Наконецъ первый синдикъ сообщилъ ему отвѣтъ, и затѣмъ онъ былъ отведенъ такимъ же образомъ, какъ и при входѣ (*).

Дальнѣйшая честь, оказанная совѣтомъ республики маленькому Лефорту, состояла въ томъ, что ему были назначены два мѣста въ церкви св. Петра—отличіе, которымъ пользовались лишь царственныя особы при посѣщеніи академіи.

Разлука матери съ сыномъ послужила поводомъ къ оживленной перепискѣ. Елисавета Лефортъ часто писала маленькому Анри, своей свекрови и другимъ роднымъ. Въ письмахъ сыну мать старалась поддержать въ немъ сочувствіе къ Москвѣ и память о товарищахъ дѣтскихъ игръ, въ особенности о дѣтяхъ покойнаго полковника Страсбургга. Извѣщая сына даже о вѣноторыхъ лицахъ изъ домашней прислуги, она рѣже упоминала объ отцѣ, а еще менѣе о царѣ Петрѣ; но о первомъ непадеются въ письмахъ къ сыну и къ свекрови мѣста, нелишенные значенія по обстоятельствамъ, ниже объясненнымъ. Такъ, сыну она писала: «Я, благодареніе Богу, совершенно здорова, и желаю только, чтобы тоже было и съ вашимъ отцомъ. Молитесь Богу, чтобы онъ возвратилъ ему прежнее здоровье». — «Что касается здоровья моего мужа», извѣщала она свекровь, «то оно все по-прежнему. Сердечно желаю видѣть его восстановленнымъ, ибо мнѣ крайне прискорбно, что онъ такъ страдаетъ. Надобно имѣть терпѣніе. Надѣюсь, что Господь сохранитъ его мнѣ и возвратитъ ему прежнее здоровье» (**).

Слова Елисаветы Лефортъ должны быть приняты во вниманіе по поводу слѣдующаго отзыва Александра Гордона: «For several years of the later part of his life he (Lefort) had not kept company with his lady; but designed, if he had lived any time longer, to have put her likewise into a monastery, after the royal exemple» (***). Этотъ человѣкъ, одинъ изъ ожесточеннѣй-

(*) Царская грамота была послана въ Женеву, въ копію, еще до отъѣзда Андрея Лефорта. Латинскій оригиналъ, красиво написанный, хранится въ тамъ шнемъ архивѣ. Въ грамотѣ сказано было, между прочимъ: „Мы отпустили изъ нашихъ владѣній Андрея Лефорта, сына генерала, дабы онъ отправился въ вашу республику и въ вашу академию, повидаться со своими родными, образовать сердце и умъ и получить такое воспитаніе, которое дало бы ему возможность отличиться въ политикѣ, въ военномъ искусствѣ и во всѣхъ свободныхъ художествахъ“.

(**) Генераль Лефортъ страдалъ, въ это время, хроническимъ недугомъ.

(***) „Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ (Лефортъ) не имѣлъ сношеній съ своею женою, но намѣревался, если бы прожилъ далѣе, заключить ее въ монастырь, слѣдуя примѣру царя“. См. „The history of Peter the Great“ etc. т. I. стр. 136. Авторъ прибылъ въ Россію, молодымъ человекомъ, въ то самое время, о которомъ идетъ рѣчь (12-го января 1696). Онъ долго служилъ, какъ сторонникъ

шихъ обвинителей Лефорта, не могъ быть безпристрастнымъ судьей, по своимъ крайнимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Членъ фамиліи Гордоновъ, онъ, безъ сомнѣнія, принималъ живѣйшее участіе во всемъ, что до нея касалось. Отъявленный папистъ, желавшій посвятить свою жизнь жалкому дѣлу короля Іакова, онъ думалъ принять на себя заботу и о душѣ сына Лефортова и старался помогать матери въ обращеніи маленькаго Анри въ католицизмъ. Видя своимъ стараніями неудавшимися, Александръ Гордонъ не прочь былъ обвинить отца, заботившагося о благѣ своего сына, въ поступкѣ, который вполнѣ подходилъ къ другимъ нареканіямъ. Если допустить, что Лефортъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, не жилъ съ женою или намѣревался развестись съ нею и заключить ее въ монастырь; если, дѣйствительно, существовали подобныя отношенія между супругами, то было бы болѣе нежели удивительно, что, въ числѣ весьма многихъ и подробныхъ извѣстій о жизни Лефорта и свѣдѣній о его женѣ, не сохранилось даже намекъ на упоминаемый Александромъ Гордономъ фактъ. Женевская родня Франца Яковлевича, какъ извѣстно, постоянно интересовалась всѣми мелочами, до него относившимися; любопытство ея было удовлетворяемо, между прочимъ, племянникомъ Петромъ, и притомъ въ такое время, когда онъ находился въ разладѣ съ дядею, и когда, живя одинъ у своей тети (Лефортъ былъ тогда въ отсутствіи), могъ бы пересылать свои откровенныя письма чрезъ знакомаго директора почтъ, если бы такая мѣра предосторожности оказалась нужною. Но нѣтъ никакихъ слѣдовъ о разрывѣ между супругами. О г-жѣ Лефортъ упоминается только, что она все чаще и чаще ходила въ церковь и дѣлала вклады, чему мужъ ея не препятствовалъ. Если же, въ это самое время, она высказывала только сожалѣнія о его болѣзненномъ состояніи и ничего болѣе не желала какъ его выздоровленія; если она обнаружила сильнѣйшую гордость, когда онъ умеръ, то какъ согласить все это со словами Александра Гордона? Предположеніе, что выраженные Елисаветою Лефортъ чувства основывались на дальновидномъ расчетѣ или на притворствѣ, противорѣчить многочисленнымъ свѣдѣтельствамъ при послѣдней катастрофѣ. Справедливо, что, непосредственно по кончинѣ Франца Яковлевича, жена его усердно хлопотала о возвращеніи сына въ Москву изгнаннаго короля Іакова, во Франціи; но, по предложенію дяди, генерала Патрика Гордона, просилъ о принатіи его въ царскую службу. Въ февралѣ того же года онъ поступилъ майоромъ въ полкъ дяди, командовавшаго второю дивизіей отборныхъ войскъ, участвовалъ во второмъ авоисконъ походѣ, былъ произведенъ, въ слѣдующемъ году, въ подполковника и женился на старшей дочери Патрика Гордона, вдовѣ полковника Страсбурга.

и думала только о томъ, какъ бы обратить его въ католицизмъ; но не менѣе вѣрно и то, что религиозныя убѣжденія покойнаго генерала продолжали дѣйствовать и за могилою: царь Петръ объявилъ, что принимаетъ на себя заботы и воспитаніе малолѣтнаго Андрея, въ духѣ своего усопшаго друга. И эти факты, и дальнѣйшія мѣры Петра противъ ультрамонтанскихъ козней въ Россіи какъ нельзя лучше поясняютъ смыслъ обвиненій, высказанныхъ противъ Лефорта ревностнымъ католикомъ (*).

Да и могли ли приписываемыя Лефорту отношенія къ жёнѣ согласоваться съ его религиозными и моральными правилами? Вся прежняя его жизнь убѣдительно доказываетъ, что онъ всегда старался сознавать свои ошибки, рассказывался въ нихъ, исправлялъ себя. Отличительною чертою его души была, по преимуществу, правдивость, откровенность; не скрывая своихъ слабыхъ сторонъ, онъ стремился единственно къ тому, чтобы достигнуть прошенія у Бога и у людей. Довольно вспомнить письма, писанныя имъ къ матери и къ старшему брату вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію.

Сохранялъ ли Лефортъ свои моральныя качества въ новомъ положеніи, на томъ пути земнаго счастья, на которомъ легко слютыгаются люди слабые? Послушаемъ его исповѣдь, высказанную на вершинѣ такой власти и такого блеска, какихъ никогда не могла и вообразить себѣ его фантазія. 4-го іюля 1694 года онъ писалъ брату Ани изъ Архангельска: «Чрезвычайныя милости, излианныя и изливаемые на меня имъ (старшимъ царемъ) и братомъ его Петромъ Алексѣевичемъ, безпримѣрны, и, не хвастая, могу сказать, что никогда не пользовался ими ни одинъ иноземецъ, когда-либо жившій въ Россіи. Я все приписываю Провидѣнію, и великое милосердіе Бога не забудетъ тѣхъ, которые стараются служить прежде Ему одному, потомъ тѣмъ, которые ближе къ Нему, именно ихъ царскимъ величествамъ. Если бы было возможно, я употребилъ бы для того еще большія старанія; но будьте увѣрены, любезный братъ, что если въ юности моей я съ избыткомъ предавался удовольствіямъ, то настоящее мое отдохновеніе такого рода, что для него мнѣ въ высшей степени необходимо хотя нѣсколько часовъ, ибо вездѣ, гдѣ я нахожусь, все зависитъ отъ моихъ распоряженій. Вы желаете имѣть тому доказательства. Я могъ бы представить ихъ вамъ тысячи, для устраненія вашихъ сомнѣній, посредствомъ писемъ къ разнымъ ли-

(*) Бутенантъ и Сенебье, находившіеся въ короткихъ отношеніяхъ къ женевскимъ Лефортамъ, даже не намекаютъ въ своихъ письмахъ о семейныхъ несогласіяхъ генерала, а такія извѣстія не могли бы не интересовать родныхъ Франца Яковлевича.

цать. Но я хочу сказать, любезный братъ, что какъ ни ограничено мое отдохновеніе, однако я довольно имѣю времени расказаться во многомъ, въ чемъ я чувствую себя виновнымъ, и что, кромѣ всего вынесеннаго мною при началѣ службы, и много выстрадалъ: я научился жить, и желаю въ томъ совершенствоваться болѣе и болѣе. Хотя вся страна и всѣ различныя національности уважаютъ меня, однако я не позволяю усыплять себя такою славой; напротивъ, стремлюсь постоянно къ тому, чтобы доказать мое усердіе, привлечь вѣрныхъ подданныхъ. Однимъ словомъ, прошу васъ вѣрить, что благодать Бога со мною, и хотя я неоднократно оскорблялъ Его, но она неисчерпаема, и я употреблю всевозможныя усилія никогда не забывать Его благодѣяній. Въ особенности прошу васъ вѣрить моей безпредѣльной преданности, зная положительно, что вы принимаете участіе во всемъ, что меня касается, и что преднамѣренно я не сдѣлаю ничего предосудительнаго въ такое время, когда Богъ испослалъ на меня свои милости, и когда честь требуетъ твердо пребывать въ благодати Божіей. Никто и никогда не достигалъ подобныхъ милостей и ни одинъ иноземецъ не мечталъ о нихъ. Сознаюсь, всѣ эти милости необычайны; я не заслужилъ ихъ; я не воображалъ въ столь короткое время, составить мое счастье; но такъ было угодно Богу, и ихъ царскія величества объявили мнѣ о томъ словесно, съ весьма большою торжественностію, и весь народъ одобрилъ....» (*).

Эта исповѣдь предъ братомъ, котораго Францъ Яковлевичъ любилъ и уважалъ столько, что не позволялъ бы себѣ говорить ему ложь, равно и выраженіе истинно-дѣтскихъ чувствъ къ матери, мнѣніемъ и любовью которой, какъ и всѣхъ родныхъ, онъ дорожилъ, не согласуются съ тѣми мыслями и дѣлами, въ которыхъ обвиняютъ Лефорта его недоброжелатели. Не только то, что высказано о его женѣ, но и обвиненіе, будто Лефортъ посѣлалъ раздоръ между своимъ царственнымъ другомъ и его супругою и довелъ дѣло до того, что царица Евдоія была заключена въ монастырь, послѣ чего онъ будто бы представилъ царю свою любовницу, Анну Монсъ—все это почерпнуто изъ источника, подобнаго сочиненію Александра Гордона, и изъ пасквиля, хранящагося въ вѣсковомъ архивѣ (**)... Приходится еще

(*) Последнія слова; „mais Dieu l'a voulu, et Leurs Majestés Zariennes me l'ont commandé de leur propre bouche en présence des plus grandes cérémonies et tout le peuple l'a approuvé“, касаются факта, ближайшее объясненіе котораго невозможно, по неизвѣстнѣ данныхъ.

(**) Указывалъ еще на сочиненіе М. Н. Семевскаго: „Семейство Монсовъ 1688—1724. Очеркъ изъ русской исторіи“, докторъ Поссальтъ замѣчаетъ, что, относительно Лефорта, авторъ пользовался лишь такими источниками, которые согласовались съ его субъективными возрѣніями.

разъ поставитъ на видъ, что обо всѣхъ этихъ толпахъ не дошло въ Женеву ни единого слова ни изъ Москвы, ни изъ Голландіи, откуда, во время пребыванія тамъ Петра, такъ много было писано о царѣ и о его любимицѣ, посланникѣ Лефортѣ. Вмѣстѣ съ косвенными аргументами, отрицающими участіе Лефорта въ судьбѣ царьцы Евдокии, надобно положить на историческіе вѣсы слѣдующія данныя.

Старшій царь Іоаннъ, узнавъ, что, при отъѣздѣ Петра въ Архангельскъ въ 1694 году, Лефортъ остался въ Москвѣ на день, пригласилъ его къ себѣ. Извѣщая о томъ своего брата, Францъ Яковлевичъ прибавилъ: «Я цѣловалъ руку царя Іоанна Алексѣевича, сначала при входѣ, потомъ при прощаніи. Это было въ первый разъ, что я цѣловалъ его руку. Такою милостію онъ вполнѣ наградилъ меня за мою службу, и приказалъ мнѣ передать поклонъ своему брату, царю Петру Алексѣевичу. Затѣмъ и царица удостоила меня дважды допустить къ рукѣ, послѣ чего я былъ отпущенъ со всевозможными милостями».

На другой день Лефортъ уѣхалъ вслѣдъ за Петромъ, а вскорѣ потомъ было оказано вышепомянутое особенное отличіе его женѣ и сыну старшею царскою фамиліей въ Кремлѣ, равно и младшею царшею. Что же было тому причиною? Что означало это благоволеніе? Если другъ и любимецъ младшаго царя, сдѣлавшагося независимѣе и самостоятельнѣе по смерти матери, царицы Наталіи Кирилловны, придавалъ такое высокое значеніе новымъ милостямъ со стороны царя старшаго и царицы старшей, то подобное обстоятельство можетъ быть истолковано лишь въ такомъ смыслѣ, что онъ нашелъ въ немъ объясненіе своего образа дѣйствій, своихъ отношеній къ Петру. Старорусская партія, недовольная поступками Петра, имѣла свой центръ въ Кремлѣ между жившими здѣсь членами царской фамиліи. Если, слѣдовательно, Лефортъ именно здѣсь получалъ доказательства особеннаго къ себѣ благоволенія, то онъ могъ понимать это такъ, что его вовсе не считали виноватымъ въ возбудившихъ неудовольствіе событіяхъ, что, несмотря на все случившееся, онъ былъ признанъ достойнымъ необыкновеннаго, доселѣ небывалаго, отличія, оказаннаго ему сопряженемъ и обѣими царицами. Возможно ли вообразить такое отличіе, если бы его считали соблазнителемъ юнаго монарха? Ни царю Іоанну, ни супругѣ его вовсе не было надобности дѣйствовать осторожно, чтобы прямо и открыто высказать свое мнѣніе. И потому Лефортъ имѣлъ право смотрѣть на фактъ, какъ на оцѣнку своихъ дѣйствій и своей жизни. «Милостивое вниманіе, оказанное мнѣ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ

предъ монѣ отъѣздомъ и теперь, при моемъ возвращеніи, необходимо», извѣщалъ онъ брата. «Подарки превыше моихъ заслугъ; всякаго рода жизненные припасы и нанитки были доставлены мнѣ на дошъ въ серебряныхъ сосудахъ, послѣ того, какъ я дважды цѣловалъ руку его величества и царицы....» И эти видимые знаки благоволенія не имѣли официальнаго или церемоніальнаго характера, но выражали индивидуальныя чувства и мнѣнія. Хотя и неизвѣстно въ точности что было говорено при аудіенціяхъ или какія порученія были даны Лефорту, однако, въ письмѣ его къ брату изъ Архангельска, упомянуто, что онъ велъ живую, чрезъ почту, переписку со многими знатными боярами при дворѣ царя Іоанна, съ самыми приближенными къ нему лицами. Эта переписка могла касаться лишь одного Петра, и поводъ къ ней могъ быть одинъ: старшій братъ желалъ имѣть о здоровьѣ младшаго постоянныя извѣстія. Наталія Вярловна, одна умѣвшая, убѣжденіями и просьбами, сдерживать своего порывистаго сына, даже въ разлугѣ, уже переселилась въ вѣчность (*). Кто же теперь могъ имѣть на него вліяніе? Извѣстно было, къ чему онъ стремился; братъ зналъ, что онъ намѣревался предпринять далекое морское путешествіе; любя его, Іоаннъ страшился за отважнаго молодаго человѣка. При такихъ обстоятельствахъ, Лефортъ и былъ, предъ отъѣздомъ въ Архангельскъ, приглашенъ къ старшему царю. О чемъ могла быть при этомъ рѣчь? И что значило особенное вниманіе, оказанное Лефорту? Слова: «кланяйся брату» могли значить многое (**).

Если всѣ эти факты должны быть признаны доказательствами не только высокаго положенія Лефорта при Петрѣ, но еще болѣе оцѣнки его *всєю* царскою фамиліей и многими вліятельными боярами, то надобно имѣть другіе источники, а не тѣ, о которыхъ упомянуто выше, чтобы позволить себѣ сужденія о недостойныхъ, будто бы, дѣйствіяхъ Лефорта относительно жены своей или даже младшей царицы. Возражать, что это случилось позже того времени, о которомъ идетъ рѣчь. Но не слѣдуетъ забывать, что, по причинѣ походовъ 1695 и 1696 годовъ, и Петръ, и Лефортъ находились большую часть времени въ отсутствія изъ Москвы, что оба они, въ началѣ 1697 года, отправились въ заграничное путешествіе, изъ котораго воротились въ исходѣ 1698 года, и что вскорѣ затѣмъ послѣдовала кончина Франца Яковлевича.

(*) Письма ея къ сыну напечатаны Устряловымъ во II томѣ, стр. 405, 406.

(**) Царь Іоаннъ, безъ сомнѣнія, просилъ брата писать къ нему. Сохранилось только одно письмо, посланное Петромъ въ Москву съ нарочнымъ, когда давно ожидаемый фрегатъ прибылъ изъ Голландіи въ Архангельскъ, и молодой царь готовился выйти въ море. См. Устрялова, II, 408.

Какое-же, послѣ этого, историческое значеніе можетъ имѣть сплетня, переданная потомству Александромъ Гордономъ?

Укажемъ еще на факты, выясняющіе характеръ и образъ дѣйствій Лефорта—его чувства дружбы, его прямоту и готовность помогать каждому словомъ и дѣломъ. Здѣсь прежде всего встрѣчаются отношенія Франца Яковлевича къ его первому другу въ Москвѣ, генераль-маіору Павлу Менезесу. Какъ ни велики были перемѣны, совершившіяся во вѣтшной судьбѣ обоихъ, но ихъ чувства остались неизмѣнными: давнишнія дружески-тѣсные связи никогда не прекращались; даже религіозное разномысліе не подавало повода къ размовкѣ, а еще менѣе та высота, на которую поднялся счастливецъ, возбуждала зависть въ другомъ. Такія же благоприятныя отношенія Лефорта продолжались постоянно и къ датскому комисару Бутенанту-фонъ-Розенбушу. Ему и Менезесу царскій любимецъ успѣлъ оказать существенную услугу по слѣдующему дѣлу. Бутенантъ, въ качествѣ опекуна единственнаго сына Марселеса, владѣльца желѣзныхъ заводовъ въ Тульской губерніи, управляя этими заводами; но въ 1688 году онъ передалъ опекунство Гордону и долженъ былъ представить ему отчетъ. Разстроенныя дѣла перешли, по смерти молодого Христіана Марселеса, въ руки генераль-маіора Менезеса, который предъявилъ на Бутенанта весьма значительный денежный искъ. Только въ исходѣ 1692 года состоялось соглашеніе, о которомъ Лефорть писалъ своему брату: «Дѣла комисара Бутенанта находились въ отчаянномъ разстройствѣ, ибо генераль-маіоръ Менезесъ, женившись на вдовѣ Марселеса, потребовалъ восемьдесятъ тысячъ талеровъ съ г. Бутенанта. Если бы я не былъ другомъ этого господина, то онъ очутился бы въ безвыходномъ положеніи. Такъ какъ генераль Менезесъ, очень дружественный со мною, видѣлъ, что нечего надѣяться, то дѣло было улажено тѣмъ, что онъ уменьшилъ искъ свой на десять тысячъ. Когда однажды его царское величество посѣтилъ меня и находился въ веселомъ расположеніи духа (*de fort bonne humeur*), то г. Менезесъ простилъ г. Бутенанту шесть тысячъ талеровъ изъ любви къ его величеству, двѣ тысячи изъ любви къ Гордону и двѣ тысячи изъ любви ко мнѣ. Такъ всё было уплачено шутя (*en riant*), и г. Менезесъ выдалъ росписку въ полученіи полной суммы».... Затѣмъ, чрезъ посредство Лефорта, Петръ пожаловалъ Бутенанту другую землю для устройства желѣзныхъ заводовъ, въ которой было приписано 1,200 крестьянъ.

О ближайшихъ отношеніяхъ амстердамскаго бургомистра Витсена къ Петру и къ Лефорту рѣчь идетъ обыкновенно тогда, когда госу-

дарь и его любимецъ жили въ столицѣ Голландіи; но эти отношенія начались гораздо раньше и, по своимъ послѣдствіямъ, достойны вниманія. Не легко было молодому царю найти на чужбинѣ человека, который могъ бы оказывать ему такое энергическое содѣйствіе, какъ Витсенъ, и мы видѣли выше, что амстердамскій бургомистръ уже давно (съ 1691 года) принималъ живѣйшее участіе во всемъ, что касалось Петра. Чѣмъ большее значеніе голландцы стали приобрѣтать въ Москвѣ, тѣмъ большее вниманіе обращалъ амстердамскій бургомистръ на признаки новой эры, начинавшейся для Россіи. Когда Лефортъ сдѣлался приближеннымъ къ Петру лицомъ, Витсенъ легко могъ получать о немъ точныя свѣдѣнія чрезъ давнишняго друга Франца Яковлевича, амстердамскаго негоціанта Туртона, и чрезъ жевскихъ Лефортовъ, съ которыми былъ коротко знакомъ по торговымъ дѣламъ. Съ 1693 года онъ вступилъ въ непосредственную переписку съ Лефортомъ, участвовавшую особенно зимой 1693—1694 года и въ первой половинѣ слѣдующаго года, по поводу построеннаго для Петра, въ Голландіи, фрегата. Какъ смотрѣли въ Амстердамѣ на жизнь, положеніе и заслуги Лефорта, показываютъ слѣдующія выдержки изъ письма Витсена къ жевскому синдикату (3-го марта 1695): «Я долженъ сказать вамъ, милостивый государь, что вашъ братъ пользуется въ Москвѣ такимъ великимъ довѣріемъ и стоитъ на такой высокой степени, что ни одинъ, полагаю, иноземецъ не достигалъ въ Россіи подобнаго положенія. *Онъ можетъ тамъ все, и ничею не дѣлается безъ его совѣта или его участія.* Онъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ болѣе 20,000 человекъ, которые вполне отъ него зависятъ. Онъ, безспорно, находится въ возможности нажить большое богатство, но онъ *благодаренъ* (généreux) и *честенъ* (honnête), возвышаетъ занимаемое имъ мѣсто (charge), и, по свидѣтельству многихъ лицъ, жившихъ въ Россіи, весьма способенъ исполнять свои обязанности по службѣ. Всѣми, какъ русскими, такъ и иностранцами, онъ чрезвычайно любимъ. Онъ *неподкупенъ* и своими совѣтами содѣйствуетъ только царю въ достойныхъ сего великаго государя дѣяніяхъ. Все это, милостивый государь, устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ, исполняя свои обязанности относительно царя и народа (le public), не былъ слишкомъ благодаренъ (qu'il ne soit trop sage) въ разсужденіи заботъ о своемъ семействѣ. Мнѣ весьма пріятно сообщить вамъ столь утѣшительное извѣстіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрить васъ» и проч.

—

Подробности о жизни Лефорта, сообщенныя въ предъидущихъ от-

дѣлахъ, знакомить съ его социальнымъ положеніемъ, съ его семейными обстоятельствами, съ его домашнимъ бытомъ, съ его религіозными и моральными убѣжденіями, съ его отношеніями къ Петру, къ друзьямъ и знакомымъ. Но всѣмъ этимъ фактамъ нетрудно придти къ выводу, почему онъ пользовался общимъ уваженіемъ и общою любовью, почему заслужилъ необыкновенную любовь и чрезвычайное благоволеніе своего государя. Теперь предстоитъ изобразить тѣ дѣла и заслуги Лефорта, въ силу которыхъ онъ занялъ столь высокое положеніе въ государствѣ.

XI.

Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ.—Вооруженныя силы Россіи.—Первый и второй отборные полки.—Работы въ артиллерійской лабораторіи.—Маневры и ученія.—Назначеніе Лефорта полковникомъ перваго отборнаго полка.—Кожуховскій походъ.—Лефортъ тяжело раненъ.

При самомъ началѣ государственной дѣятельности Петра, всѣ его мысли и стремленія сосредоточивались на небольшой дружинѣ «потѣшныхъ». Оба отдѣленія ихъ, преображенское и семеновское, мало по-малу увеличивались въ числѣ, отчасти вслѣдствіе добровольнаго вступленія молодыхъ дворянъ, отчасти приѣмомъ солдатъ изъ отборнаго полка генерала Гордона. Не сохранилось, однако, свѣдѣній о числительной силѣ «потѣшныхъ» въ это время, потому что уцѣлѣвшій списокъ перваго отдѣленія, или первой половины, долженъ быть отнесенъ къ 1687 году. Это списокъ бомбардировъ, въ главѣ которыхъ стоитъ «Петръ Алексѣевъ», подъ спеціальнымъ наименованіемъ бомбардира, выражающимъ характеръ занятій молодого царя артиллеріей. Вскорѣ возникла и особая рота, которая, подъ именемъ бомбардирской, представляла часть Преображенскаго полка и, находясь подъ командою Петра, какъ бомбардира по преимуществу, заняла почетное мѣсто въ войскѣ.

Военныя силы Россіи, въ мирное время, и теперь (въ 1689 г.), состояли изъ полковъ стрѣлечкихъ, двухъ полковъ отборныхъ и нѣсколькихъ отрядовъ рейтаровъ, расположенныхъ на постоянныхъ квартирахъ въ Москвѣ и въ различныхъ частяхъ государства. Собственно въ столицѣ находилось, изъ 30—40,000 стрѣльцовъ, до 15,000, да первый и второй отборные полки имѣли по тысячѣ членовъ каждый. Ихъ организація и назначеніе оставались прежнія; нигдѣ незамѣтно было успѣховъ въ военномъ образованіи, особенно между недисциплинированными, нежелающими ничему учиться стрѣльцами.

Учрежденный царемъ Алексѣевъ Михайловичемъ первый отбор-

ный полкъ (или «отборные полки», какъ иногда выражается Лефорть) также сохранялъ свое первоначальное устройство. Это былъ корпусъ, хотя и обученный иностранными офицерами, но, по своей особенной организаціи, не дававший собственно боевого элемента. Въ военное время, онъ состоялъ, смотря по обстоятельствамъ, изъ 22,000 человекъ, какъ, напримѣръ, въ чигиринскую войну, или изъ 18,000 и 16,000 человекъ. Составныя части этого корпуса были, однако, едва ли лучшіе полки во всемъ государствѣ; начальникъ ихъ занималъ первое военное мѣсто, соединенное съ большою властью; достоинство его было пожизненное и въ его вѣдомствѣ ничего, помимо его, не могло быть предпринято. Офицеры также пользовались значительными преимуществами: они не могли быть переводимы въ другія части или смѣняемы. Солдаты, въ качествѣ дворянъ или земельныя владѣльцевъ, исполняли, кромѣ военной, и другія службы; они находились иногда по близости царя и были имъ употребляемы для разныхъ порученій. Если они несли дворцовую службу, участвовали въ придворныхъ торжествахъ, сопровождали государя въ путешествіяхъ, то изъ среды ихъ выходили и чиновники, которые или получали должности въ Москвѣ, или были посылаемы въ другіе города; но въ особенности ихъ опредѣляли ко двору. Одна часть чиновъ корпуса жила, такимъ образомъ, въ столицѣ и въ городахъ, т. е. находилась на дѣйствительной службѣ, а другая половина чиновъ имѣла пребываніе въ своихъ помѣстьяхъ. О военной организаціи этихъ полковъ можно судить по тому, что и офицеры, и солдаты размѣщались въ городѣ разбросанно, часто на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; собственно ученія и дисциплина немногимъ разнились отъ тѣхъ, которыя существовали въ войскахъ, созываемыхъ въ случаѣ войны (*). Первый отборный полкъ состоялъ долгое время, по крайней мѣрѣ съ 1673 года, подъ начальствомъ генерала Аггея Алексѣевича Шепелева (**), и участвовалъ во всѣхъ войнахъ, вѣденныхъ въ этотъ періодъ. Въ послѣднее время, полкъ дѣйствовалъ въ обоихъ крымскихъ походахъ; но, послѣ возвращенія изъ втораго похода, о немъ нигдѣ не упоминается: только Гордонъ говоритъ о немъ по поводу большаго парада въ Брестѣ, при рожденіи перваго сына Петра.

(*) Свѣдѣнія о первомъ отборномъ полкѣ взяты изъ писемъ Лефорта, Бутенанта и Сенебье, писанныхъ по поводу назначенія Франца Яковлевича полковникомъ этого полка.

(**) Шепелевъ носилъ титулъ «думнаго генерала». Онъ служилъ при дворѣ сначала кравчимъ, потомъ постельникомъ, и наконецъ былъ пожалованъ въ думные дворяне и въ члены царской думы. Въ 1687 году получилъ званіе окольничаго. Въ челобитной 1673 года царю Алексѣю Михайловичу Шепелевъ уже называется «полковникомъ солдатскаго строя Московскаго отборнаго полка».

Другой составъ и другое назначеніе имѣлъ второй отборный полкъ, или «отборные полки второй дивизіи», начальникомъ которыхъ былъ опредѣленъ, 2-го января 1687 года, генералъ Патрикъ Гордонъ. Въ крымскихъ походахъ, въ этойъ корпусѣ считалось нѣсколько болѣе 10,000 человекъ, тогда какъ часть, расположенная въ Бутыркахъ, близъ Москвы, имѣла прежде и послѣ не болѣе тысячи человекъ, называвшихся драгунами пѣшого и коннаго строя. Дивизія эта состояла изъ «солдатскихъ полковъ», которыми командовали иноземные офицеры; она, по преимуществу, служила представительницею европейскаго военнаго дѣла въ русской рати.

Петръ нашелъ и регулярные кавалерійскіе (рейтарскіе) полки, учрежденные также царемъ Алексѣемъ, но, кажется, не обращалъ на нихъ вниманія: прежде всего онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своихъ «нотѣшныхъ» хорошихъ пѣхотинцевъ, а потомъ заняться артилерійскимъ дѣломъ. Въ Москвѣ существовалъ приказъ (Пушкарскій), которому была подчинена артилерія. Пушечный дворъ, съ лабораторіей, сталъ вскорѣ главнымъ поприщемъ новой дѣятельности молодого царя. Какъ ни многочисленна была тогда артилерія, однако она все еще страдала неопытностію офицеровъ и недостаткомъ въ нихъ.

По возвращеніи изъ Троицкаго Монастыря, гдѣ происходили первые маневры бомбардировъ противъ организованныхъ по иностранному образцу войскъ, или совместно съ ними, Петръ, въ продолженіе зимы, занимался преимущественно въ лабораторіи. Любимыя тогда въ Европѣ «огненные потѣхи» чрезвычайно нравились ему. Онъ самъ усердно работалъ надъ изготовленіемъ и спускомъ фейерверковъ и много забавлялъ себя, весь дворъ и первыхъ сановниковъ государства этими совершенно неизвѣстными въ Россіи зрѣлищами. По «Дневнику» Гордона, первый фейерверкъ былъ сожженъ въ полдень января. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ голландскій резидентъ фанъ-Беллеръ писалъ, что это величество готовилъ фейерверкъ ко дню празднованія рожденія своего сына. Онъ былъ сожженъ 26-го февраля за-городомъ, на Ирѣвѣ, въ присутствіи обоихъ царей и обѣихъ царицъ, царицы-матери, нѣкоторыхъ царевенъ, всего двора и иностранцевъ, съ ихъ женами, и отличался такими огромными размѣрами, что въ одномъ мѣстѣ горѣлъ почти два часа, а въ другомъ три часа. Съ этихъ поръ «огненные потѣхи» сдѣлались непремѣнною принадлежностію большихъ празднествъ; не только при дворѣ, но и въ домахъ частныхъ лицъ, которыхъ Петръ иногда самъ снабжалъ матеріалами. Что случалось при работахъ въ лабораторіи и при спускѣ фейерверковъ, показываютъ слѣдующія промощствія: полковникъ

Страсбургъ, зять Гордона, опалилъ себѣ лицо (22-го января 1690 г.) составомъ для фейерверка; на Писсѣ, при свистѣ фейерверка, одинъ дворянинъ былъ убитъ, а 27-го января 1691 года полковникъ Страсбургъ имѣлъ несчастіе, во время фейерверка при дворѣ, обмечь себѣ голову, руки, колѣна и ноги, и умеръ отъ послѣдствій этихъ ожоговъ (4-го января 1692 г.). Трое другихъ обгорѣли такъ, что умерли тотчасъ. Францъ Тимерманъ получалъ плату (*).

Какъ Страсбургъ, такъ и Тимерманъ могутъ служить образчиками лицъ, которыхъ Петръ употреблялъ при работахъ въ лабораторіи и при соженіи фейерверковъ: они едва-ли обладали нужными для этого рода занятій свѣдѣніями и ловкостью. Никто изъ нихъ, равно и изъ другихъ военныхъ, не занимался прежде этимъ дѣломъ. Въ искусныхъ фейерверкерахъ, какъ и въ опытныхъ инженерахъ, чувствовался крайній недостатокъ. Петръ видѣлъ это тѣмъ яснѣе, что самъ хотѣлъ преодолѣвать наиболѣе трудное, и часто могъ брать себѣ помощниками лишь тѣхъ, въ которыхъ предполагалъ больше доброй воли, чѣмъ знанія. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, сынъ Гордона, Джемсъ, недавно пріѣхавшій изъ-за границы и вступившій въ царскую службу майоромъ, тотчасъ же получалъ порученіе приготовить фейерверкъ.

Между тѣмъ, потребность въ лучшихъ силахъ для этой новой отрасли дѣятельности была такъ велика, что оназвалось рѣшительно необходимымъ вызвать нужныхъ людей изъ-за границы. Это было возложено, какъ мы видѣли, на Лефорта, который убедительно просилъ своего брата Ами поскорѣе прислать въ Москву хорошаго фейерверочнаго мастера, свѣдущаго, знакомаго съ войною, инженера, оружейнаго мастера и вольтижера. Съ такою просьбою онъ обращался въ Женеву не одинъ разъ. «Такъ какъ мои полки», прибавляетъ Лефортъ, «состоятъ слѣшкомъ изъ 14,000 человекъ; то у меня часто бываютъ вакантны мѣста, и я легко могу служить дѣловымъ людямъ». При этомъ онъ старался изобразить тогдашнее положеніе Россіи въ выгодномъ свѣтѣ, чтобы желаемые техники и офицеры ѣхали безобоязненно, и въ доказательство ихъ будущей судьбы сослался на примѣръ родственника своего, вышепомнутаго коммунника Страсбурга, вдовѣ котораго Петръ немедленно приказалъ выдать 300 талеровъ и обратить въ пенсію эту сумму ей и ея дѣтямъ. Когда лейбъ-медикъ фанъ-деръ-Гульстъ скоропостижно умеръ въ Архан-

(*) Внезапная смерть и втораго Гордонова зятя, Данила Краюйрда, послѣдовала, вѣроятно, отъ той же причины. 7-го мая 1691 года онъ возвратился больно изъ Коломенскаго, а 19-го умеръ.

гельскѣ, вдова его, имѣвшая четверыхъ дѣтей, просила Лефорта исходатайствовать ей средства къ жизни, хотя у нея было состояніе въ 10 или 12,000 талеровъ и прекрасный каменный домъ. Петръ назначилъ ей пенсію въ 400 талеровъ, и если бы вдова вторично вышла замужъ, то эта сумма должна была переходить послѣдовательно (*consécutivement*) на дѣтей. «По милостямъ, оказываемымъ ихъ царскими величествами въ отсутствіе покойниковъ (*à l'absence de défunts*), вы можете судить», замѣчалъ Лефортъ брату Ами, «какое неравненное удовольствіе (*un plaisir sans pareil*) и при жизни, и въ случаѣ смерти, служить монархамъ, никогда не забывающимъ принимать во вниманіе все то, что можетъ случиться. Правда, бывали здѣсь времена, къ которымъ происходили жестокіе (*gudees*) мѣтежи, однако не такіе, какъ писали о томъ многія лица».

Лефортъ, безъ сомнѣнія, не меньше Петра очень желалъ привлечь въ Россію артиллеристовъ и инженеровъ, потому что и артиллерійское, и инженерное дѣло были въ весьма плохомъ состояніи. Пушекъ было много, но какъ съ ними обращались, видно изъ слѣдующаго примѣра. 25-го февраля 1690 года стрѣляли на Прѣснѣ въ цѣль изъ *пятидесяти* пушекъ разныхъ калибровъ. «Три изъ нихъ», пишетъ Гордонъ, «попали хорошо, четыре зарядно, четыре сгорѣ дурно нежалея хорошо, а остальные вовсе не попали». Въ лабораторіи постоянно работали надъ изготовленіемъ снарядовъ, употреблявшихся при маневрахъ и ученьяхъ, которые принимали мало по малу такіе размѣры, что ихъ называли даже «походами». Снаряды эти были родъ ручныхъ гранатъ, или «шлаговъ», такъ ихъ тогда именовали. Они дѣлались изъ картона и осмоленной палки, начинялись перохомъ, селитрою и сѣрою, а для замиганія были снабжены клапаномъ. Кроме того, готовились «мѣдные горшки», въ которые вливали пороку до пяти фунтовъ. Эти-то ручные снаряды, употреблявшіеся въ тогдашнихъ войнахъ, были введены теперь и при мирныхъ маневрахъ, устраиваемыхъ Петромъ. Боевъ бѣды дѣло не обходилось. 2-го іюня 1696 года, когда, во время ученья, петурмовали семеновскій дворъ, одинъ огненный горшокъ былъ брошенъ въ столь близкомъ разстояніи отъ Петра, что, при разрывѣ, оцарапалъ ему лицо, а Гордонъ и многіе другіе ту же стоялине были ранены. 4-го сентября того же года, и при такихъ же упражненіяхъ, не только многіе солдаты были ранены и обожжены, но и самъ генералъ Гордонъ, руководившій ученьемъ, былъ раненъ въ правую ногу и въ лицо такъ сильно, что восемь дней лежалъ у хирурга.

Петръ проводилъ всѣ свои прирочденныя наклонности въ дѣлахъ.

военныхъ упражненіяхъ. Съ необыкновенною энергіей старался онъ усовершенствовать себя въ военномъ искусствѣ и приобрести свѣдѣнія, необходимыя для организаціи русскихъ военныхъ силъ. Фундаментомъ должны были служить «потѣшныя», которые, по этой причинѣ, находились въ постоянномъ движеніи и упражненія ихъ расширялись все далѣе и далѣе. Сначала они мѣрялись силами только съ солдатскими полкомъ, подъ начальствомъ Гордона; вскорѣ имъ были противопоставлены стрѣльцы. Вслѣдствіе того, образовались двѣ рѣзко-обозначившіяся въ полѣ стороны: представители старой и новой системы, чѣмъ и объясняется, что въ «походахъ» они чересчуръ запальчиво дѣйствовали другъ противъ друга ручными гранатами и огненными горшками. Первый стрѣлецкій полкъ, такъ называемый Стремянкой, посаженный на копей и служившій преимущественно конвоемъ царя, представлялъ, 4-го сентября 1690 года, противника и отбивался такъ усердно, что съ обѣихъ сторонъ были ранены. Тою же осенью (11-го сентября) происходилъ опять большой маневръ, въ которомъ стрѣлецкій полкъ полковника Сухарева (того самаго, который, за годъ передъ тѣмъ, во время катастрофы въ Троицкомъ Монастырѣ, перешелъ со своими солдатами на сторону Петра) долженъ былъ помѣряться со своими товарищами; но на этотъ разъ дѣло кончилось благополучно, быть можетъ потому, что обѣ стороны не были враждебно настроены.

Лѣтомъ слѣдующаго года (1691), военные упражненія и маневры продолжались съ обычнымъ усердіемъ и заключились осенью «большимъ походомъ». Офигурованы были двѣ арміи, изъ которыхъ одна имѣла въ своемъ составѣ преображенское и семеновское отдѣленія «потѣшныхъ» (которыхъ уже стали именовать полками), первый и второй отборные полки и часть рейтаровъ и гусаровъ; во второй арміи были полки стрѣльцкіе, также съ рейтарами и гусарами. Главнокомандующимъ (генералиссимусомъ) первую армію былъ назначенъ князь Федоръ Юрьевичъ Рамодановскій, вторую бояринъ Бутурлинъ. Оба получили приказаніе дѣйствовать другъ противъ друга какъ непріатели. Петръ находился, въ качествѣ бомбардира, при преображенскомъ отдѣленіи и, вмѣстѣ съ иностранными офицерами, опредѣлялъ боевой порядокъ: въ центрѣ командовалъ генералъ Головинъ, подъ начальствомъ котораго состояли полки Преображенскій и Семеновскій, т. е. «потѣшныя»; на правомъ флангѣ генералъ Гордонъ; на лѣвомъ генералъ Дефорть. Въ походѣ выступили 5-го октября. Въ этотъ день и въ слѣдующіе было совершено нѣсколько примѣрныхъ сраженій съ солдатами и съ рейтарами. Бутурлинъ

оказалъ упорное сопротивленіе и, не смотря на стремительныя атаки противника, удерживалъ; болѣе или менѣе, свое мѣсто, по подконецъ долженъ былъ всякій разъ отступать. 9-го октября армія его было сильно атакована и разбѣяна, причемъ полковникъ Турнеръ попался въ плѣнъ и потерины были четыре знамени. Восстановивъ порядокъ, Бутурлинъ, со всею пѣхотою и конницею, двинулся впередъ и возобновилъ бой. Загорѣлось жаркое и упорное дѣло на его правомъ флангѣ, атакованномъ «съ великою яростію» лѣвымъ флангомъ противника (генерала Лефорта); состоявшими также изъ пѣхоты и изъ рейтаровъ; между тѣмъ, генералъ Гордонъ началъ на правый флангъ. Бой продолжался пять часовъ и кончился тѣмъ, что армія Бутурлина обратилась въ бѣгство и потеряла все пушки, знамена и обозъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ и его лагерь.

Это было уже не примѣрное, а почти настоящее сраженіе: обѣ стороны имѣли немалое число раненыхъ и искольченныхъ артиллерійскимъ огнемъ и ручными гринатами. Ближній бояринъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, былъ раненъ такъ тяжело, что умеръ на девятый день. По отношенію къ обѣимъ предводителямъ или «генералисимусамъ» характеристично слѣдующее сказаніе. По окончаніи маневра, въ послѣдній день, побѣдители нигдѣ не могли найти своего главнокомандующаго: Три часа отыскивали они его напрасно, пока не нашли его, наконецъ, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ солдатъ, въ лагерь противника, у палатки. Точно также и Бутурлинъ пропадалъ долгое время: его «обрѣли между трутими крышцаюся» (какъ выразилось современное описаніе). «А его пресвѣтѣйшество (князь Рамодановскій) изволилъ идти сквозь все свои войски, ступая по непріятельскимъ клѣнотамъ (т. е. среди взятыхъ знаменъ и оружія), и, пришедъ въ непріятельскій шатеръ, изволилъ оуть и всѣхъ своихъ начальныхъ людей и рядовыхъ за ихъ храбрость милостиво похвалялъ. А генералисимуса непріятельскаго призвавъ предъ его пресвѣтѣйшество и, поставя на колѣни съ нѣкоторыми его ближними людьми и главными начальными, указавъ его пресвѣтѣйшество неправды ихъ пренія выговорить. А непріятель противъ тѣхъ словъ нахвѣишь на землю отповѣдь чинилъ». Затѣмъ торжествующій Рамодановскій возвратился въ свой лагерь, гдѣ былъ приговариванъ для генералевъ и офицеровъ обѣдъ. «И по совершеніи того стола, вышедъ изъ шатра, изволилъ самъ его пресвѣтѣйшество все свое войско милостиво похвалять, а за раны и за службы придачи и жалованья обѣщавъ впередъ. А потомъ все войско приказавъ распустить въ дома своя, и самъ его пресвѣтѣйшество наво-

дѣлъ идти того жъ числа въ столичный свой городъ Прѣшпуръ» (т. е. Пресбургъ, крѣпость построенную Петромъ въ 1688 году) (*).

Гдѣ находился во время этого «петъшняго боя» престарѣлый генералъ Шепелевъ, командиръ перваго отборнаго полка, о томъ не упоминается ни въ одномъ документѣ. Правда, спустя немногіе мѣсяцы, говорится о его смерти, но въ октябрь ли онъ умеръ—неизвѣстно. Изъ диспозиціи же маневровъ видно несомнѣнно, что Лефортъ, незадолго передъ тѣмъ произведенный въ генераль-лейтенанты, начальствовалъ первымъ отборнымъ полкомъ, образовавшимъ третью часть въ боевомъ порядкѣ одной изъ армій. Когда рѣчь идетъ объ атакахъ лѣваго фланга арміи Рамедановскаго, то это относится только къ полку Лефорта, ибо ни о какомъ другомъ начальникѣ или офицерѣ не упоминается. Если въ реляціи прибавлено, что рейтары его полка бились съ непріятелями долго и храбро, то это могло быть только подъ его начальствомъ.

«Ротмистръ Петръ Алексѣевъ» (подъ этимъ именемъ молодой царь участвовалъ въ маневрахъ) присутствовалъ всюду и принималъ дѣятельное участіе въ отдѣльныхъ схваткахъ. Его рейтары не только «генерала гусарскаго Гулста взяли съ голою швагою», но онъ самъ непріятельскаго главнокомандующаго «живаго въ полонъ взяли».

Въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года (1692), Лефортъ писалъ своему брату Ами: «Послѣ того какъ я исполнилъ, сколько могъ, мои обязанности, умеръ старшій здѣшній генералъ, командовавшій первымъ гвардейскимъ полкомъ, или полками, потому что они состоятъ изъ 17—18,000 бравыхъ солдатъ. Генералъ Гердонъ хотѣлъ имѣть этотъ полкъ, такъ какъ въ его полку не болѣе 300 человекъ. Я ничего не зналъ о его намѣреніяхъ, какъ то дѣлаютъ все паписты—а онъ изъ числа ихъ. Сказывали мнѣ, что постъ вакантный, и что я, если пожелаю, получу полкъ; однако я не позволялъ себѣ упоминать о томъ. Случай представился, когда его царское величество удостоилъ меня поощреніемъ. Поговоривъ съ августѣйшимъ гостемъ о равныхъ дѣлахъ, касавшихся отборныхъ полковъ, я сказалъ, что первый генералъ умеръ и никто не заботится о вдовахъ, имѣющихъ однако семь малолѣтнихъ. Тогда государь объявилъ мнѣ, что назначить меня при тѣхъ полкахъ на мѣсто генерала, но съ чиномъ подполковника. Я поцѣловалъ у него руку за эту милость. Когда же насталъ день—его былъ большой праздникъ—въ который должно было послѣдовать мое назначеніе, я сказалъ моему родственнику Гор-

(*). См. современную реляцію о маневрахъ 1691 года, помѣщенную Устряловымъ во II томѣ, стр. 486—490, «Исторіи царствованія Петра Великаго».

дону: «я надѣюсь быть повышеннымъ и получить первый полкъ». Слова мои чувствительно затронули его сердце, и онъ немедленно отправился ко всѣмъ вельможамъ (seigneurs) вымаливать у нихъ состраданія, чтобы того не было. Я ничего не зналъ и удивился, когда ихъ царскія величества, которыхъ я имѣлъ честь видѣть утромъ, сказали мнѣ, чтобы я принялъ полкъ Гордона, и что Гордонъ получить первый. Я огорчился и просилъ убѣдительно не давать мнѣ ни того, ни другаго, если не получу перваго. Насталъ праздникъ; надлежало идти въ церковь. Ихъ царскія величества присутствовали. Первый полкъ, или одинъ изъ первыхъ, былъ мостроенъ вправо у церкви, а Гордоновъ (самъ онъ не былъ по причинѣ огорченія) влѣво. Ихъ царскія величества Иоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ отправились къ литургіи въ церковь, именуемую «Іерусалимомъ». Было Верное Воскресеніе. Имъ угодно было передать мнѣ команду надъ первымъ полкомъ» (*).

Что Лефортъ былъ преемникомъ генерала Шепелева по командованію первымъ отборнымъ полкомъ, видно изъ дневника (журнала) Петра Великаго. Въ немъ отмѣчено, что въ сраженіи подъ Нарвою участвовалъ, изъ старыхъ полковъ, только Лефортъ, который, *до того времени*, назывался полкомъ Шепелева. Въ письмахъ своихъ Лефортъ неоднократно упоминаетъ о значеніи и полномочіи своего предѣстника. 26-го сентября онъ писалъ: «Нынѣ полкъ состоитъ изъ 15,000 человекъ; каждая тысяча имѣетъ своего полковника и своихъ офицеровъ; безъ моей воли ничего не дѣлается. Въ другихъ полкахъ полковники мѣняются, а здѣсь нѣтъ. Такою милостію высканъ я на остальные дни моей жизни, да и надежды нѣтъ, чтобы я достигъ еще высшей ступени, за исключеніемъ развѣ чина полнаго генерала, котораго я теперь не желаю; но если бы пожелалъ, то, безъ сомнѣнія, получилъ бы. Подожду еще нѣсколько мѣсяцевъ. Имѣя содержаніе перваго (т. е. старшаго) генерала, я доволенъ» (**).

(*) Въ русскихъ документахъ не упоминается ни о назначеніи Лефорта начальникомъ перваго отборнаго полка, ни о смерти предѣстника его, генерала Шепелева; но что въ Верное Воскресеніе 1692 года, приходившееся на 20-е марта, Лефортъ дѣйствительно, получилъ новое назначеніе, подтверждается Гордономъ, хотя нѣсколько и загадочно. Въ этотъ день онъ записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „L. F. rec. the 1st. Reg.“, т. е. „Lefort received the selected Regiment“ (Лефортъ получилъ отборный полкъ). Известно, что въ старину Верное Воскресеніе праздновалось самымъ торжественнымъ образомъ, что патриархъ вѣшалъ верхомъ въ церковь Василія Блаженнаго, а что царь самъ держалъ поводья патриаршей лошади. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, иностранцы называли церковь Василія Блаженнаго „Іерусалимомъ“.

(**) Въ апрѣлѣ 1693 года, какъ сказано выше, Петръ писалъ женевакому сенату о пожалованіи Лефорта въ полные генералы и о назначеніи его полков-

Съ этихъ высокими и почетными положеніемъ соединена была однакъ нелегкая задача. Рѣшено было вновь организовать первый отборный полкъ, существовавшій до сихъ поръ внѣ строгихъ военныхъ формъ, заняться его обученіемъ, подчинить его дисциплинѣ, такъ какъ ни въ прежнихъ войнахъ, ни на послѣднихъ маневрахъ полкъ не обнаружилъ боевыхъ качествъ. Большимъ препятствіемъ къ достиженію цѣли было то, что и солдаты, и офицеры жили въ городѣ разбросанно. «Съ самаго начала», писалъ Лефортъ, «тридцать лѣтъ тому назадъ, сознавали необходимость сосредоточить ихъ въ одномъ мѣстѣ, но это никогда не исполнялось». Обративъ прежде всего вниманіе на это обстоятельство, новый начальникъ выпросилъ у Петра большой плацъ для учений и маневрированій и средства къ учрежденію слободы, въ которой жили бы всѣ находившіеся въ Москвѣ солдаты. Плацъ былъ отведенъ на лѣвомъ берегу Яузы, насупротивъ Лефортова сада или дома, имѣлъ значительное протяженіе по направленію къ Сокольницкой рошѣ и къ селу Преображенскому. Слобода для солдатъ была назначена изъ пятисотъ домовъ, къ постройкѣ которыхъ приступили въ сентябрѣ того же года. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лефортъ приказалъ выстроить бесѣдку или домикъ (*une maison de plaisance*), назначеніе котораго объясняется слѣдующими словами: «Такъ какъ его величество большой любитель (*amateur*) солдатъ, то онъ часто пріѣзжаетъ смотрѣть на ученье моего полка». Эти же слова доказываютъ, что новая организація была теперь въ полномъ ходу. Колонія или деревня скоро получила названіе Лефортской (какъ прежде говорили) (*), изъ которой въ позднѣйшее время возникла Лефортская городская часть, и до сихъ поръ такъ именуемая. Здѣсь со всеусердіемъ занимались военнымъ дѣломъ; одиный родъ ученья смѣнялся другимъ; о поддержаніи дисциплины и объ обмундированіи заботились много. Петръ нерѣдко самъ заѣзжалъ въ домъ Лефорта, чтобы вмѣстѣ идти на плацъ, или же останавливался на другомъ берегу Яузы, куда, равнымъ утромъ, призывалъ своего сотрудника.

12-го мая 1693 года датскій комисаръ Бутенантъ писалъ въ Женеву: «Изъ письма его величества и вашего брата вы узнаете, что онъ (генераль) имѣетъ подъ своимъ начальствомъ первый полкъ, называемый отборнымъ. Полкъ состоитъ почти исключительно изъ дворянъ, и между простыми солдатами встрѣчаются такіе, которые

никогда перваго отборнаго полка; но въ полные генералы онъ произведенъ, какъ мы видѣли, только 29-го іюня.

(*) Въ просторѣчій, эта мѣстность Москвы и понынѣ называется „Лефортово“.

владѣютъ 400 до 500 и болѣе крестьянъ. Во всемъ полку до 16,000 человекъ. Генералъ (Лефортъ) весьма любимъ солдатами; потому что онъ собралъ ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, (а *garnissé tous ensemble*) и выхлопоталъ у его величества большое поле, чтобы выстроить здѣсь солдатскіе дома, вслѣдствіе чего возникло уже весьма обширное предмѣстье (*un très grand faubourg de la ville*). До сихъ поръ солдаты жили разсѣянными по всему городу. Благодаря постояннымъ упражненіямъ, они начинаютъ быть искусными въ дѣйствіи оружіемъ (*devenir fort savans*).

Капитанъ Сенебье, командовавшій ротой въ этомъ полку, выразился въ такомъ же смыслѣ объ успѣхахъ солдатъ въ особенной запискѣ о русскихъ военныхъ силахъ, составленной имъ для женевакскаго сената. Самъ же Лефортъ уведомлялъ брата, что заботился болѣе всего сроднить своихъ офицеровъ со всѣми военными добродѣтелями и поощрять ихъ въ занятіямъ военнымъ дѣломъ. Онъ обращался съ ними гуманно, съ теплымъ участіемъ входилъ въ ихъ дѣла, исполнялъ ихъ желанія и просьбы, такъ что они всегда могли рассчитывать на его заступничество. «Когда я бываю въ Москвѣ», замѣчаетъ онъ въ письмѣ, «то комната моя полна офицерами всѣхъ чиновъ».

Если въ 1693 году, еще менѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ, шла рѣчь о маневрахъ и о потѣшныхъ сраженіяхъ, то организація перваго отборнаго полка продолжалась дѣятельно, и занятія Лефорта въ это время были особенно сложны, потому что, кромѣ хлопотъ съ полкомъ, онъ сопровождалъ Петра въ первомъ путешествіи въ Архангельскъ и исполнялъ другаго рода порученія царя. Причина та, что, возвратившись 1-го октября въ Мосаву, Петръ весь углубился въ морскіе планы и уже помышлялъ о вторичномъ морскомъ плаваніи, для чего нужно было сдѣлать много предварительныхъ распоряженій. Тѣмъ не менѣе зимою или весною слѣдующаго года не только возбужденъ былъ вопросъ объ исполненіи большаго маневра или «похода», но и рѣшено назначить его послѣ второй архангельской поѣздки. Въ эту пору уже стали возникать политическія обстоятельства, требовавшія обратить усиленное вниманіе на армію. Еще во время пребыванія въ Архангельскѣ начаты были распоряженія относительно назначеннаго осенью маневра.

Въ половинѣ сентября Петръ возвратился въ Москву. Съ большою успѣшностію и настойчивостію занялся онъ приготовленіями къ потѣшному «походу», задуманному въ обширныхъ размѣрахъ. Въ двадцать два города, лежащіе въ двухсотверстной окружности отъ

столицы, посланы были указы, чтобы все живущіе въ этой частѣ столяники, стряпчіе (Лефортъ называетъ ихъ «gentilhommes de la cour»), московскіе дворяне и жильцы собрались къ 18-му сентября въ Москвѣ, на добрыхъ коняхъ и вооруженные «пистоллями». Въ самой же столицѣ указано было принять участіе въ «походѣ» всѣмъ людямъ дворцовымъ, служащимъ въ приказахъ чиновнымъ людямъ, до дьяка и писца включительно, даже придворнымъ пѣвчимъ и церковнослужителямъ, находившимся безъ должностей. Такимъ образомъ собраны были, по показанію Лефорта, 40,000 человекъ, раздѣленныхъ на двѣ равныя по числу части. Въ главѣ обѣихъ ратей стояли прежніе «генералиссимусы». Бояринъ Бутурлинъ, ирверженецъ старыхъ порядковъ, получалъ подъ свою команду все стрѣлечіе полки, столяниковъ, стряпчихъ, церковнослужителей и т. д. Ему было предписано занять этими силами крѣпость и обороняться отъ непріятеля. Противникомъ его былъ князь Федоръ Рамодановскій, предводитель той рати, которую сформировали, по европейскому образу, изъ частей стараго войска, и которая успѣла уже сдѣлать успѣхи въ новомъ дѣлѣ.

26-го сентября Рамодановскій выступилъ изъ села Преображенскаго и прослѣдовалъ чрезъ весь городъ и чрезъ Кремль съ необыкновенною пышностію. Составъ его отряда былъ слѣдующій: 1) рота полковника Якова Тургенева; 2) двѣ конныя роты Сибирскаго царевича; 3) полкъ генерала Лефорта; 4) Бутырскій полкъ, подъ начальствомъ генерала Гордона; 5) Преображенскій полкъ, подъ начальствомъ полковника фонъ-Менгдена; 6) Семеновскій полкъ; 7) пять ротъ кавалеріи; 8) артилерія; 9) саперы и минеры.

Передъ каждымъ отдѣленіемъ вѣхалъ начальникъ, окруженный всевозможнымъ блескомъ. Лефортъ пишетъ, что «передъ нимъ были ведены двѣнадцать лошадей, богато украшенныхъ золотомъ, серебромъ и рѣдкими «пистоллями», и что «не было недостатка и въ пажахъ, непремѣнной принадлежности подобныхъ церемоній». Въ главѣ Преображенскаго полка шли бомбардиры, ведомые своими офицерами или бомбардирами перваго отдѣленія. Это были: Петръ Алексѣевъ (царь), князь Федоръ Троекуровъ и Иоганъ Гумертъ (*). Артилерія, состоявшая изъ шести полевыхъ пушекъ, шести большихъ мортиръ и одной малой, имѣла прислугою бомбардировъ, запасшихся также достаточнымъ числомъ ручныхъ гранатъ и огненныхъ горшковъ.

(*) Въ первый разъ упоминаются, по этому случаю, три начальника бомбардировъ. Въ спискѣ офицеровъ Преображенскаго полка, относящемся къ 1692 году, показаны только одинъ Петръ.

Мѣстомъ маневра были назначены окрестности деревни Кожуховой, въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ къ селу Коломенскому. Здѣсь, по плану Гордона, построили крѣпость, «пятиугольничгъ или пятиугольный ретраншаментъ», который у Лефорта называется «une ville ou château» (городъ или замокъ). Окруженный валомъ въ пять аршинъ вышины и ровомъ въ четыре аршина глубины, «городъ» былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для обороны. Бутурлинъ, занявъ его 23-го сентября, возвелъ еще нѣсколько верховъ, а спустя три дня, Рамодановскій расположился лагеремъ на берегу Москвы, близъ деревни Кожуховой. Его задача и цѣль маневра состояли въ томъ, чтобы взять крѣпость по всѣмъ правиламъ военного искусства.

Послѣ дневки начались аванпостныя дѣла. Осажденные производили вылазки изъ крѣпости, къ которой уже приблизились полки Преображенскій, Семеновскій, Лефортовъ и Гордоновъ. Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ, при одной изъ подобныхъ схватокъ (3-го октября), взялъ въ плѣнъ полковника стрѣлцаго полка.

4-го октября былъ день иванинъ Лефорта. Царь и офицеры различныхъ полковъ собрались къ нему на обѣдъ. Еще наканунѣ происходили совѣщанія о взятіи крѣпости; теперь рѣшили штурмовать ее тотчасъ послѣ обѣда, и часа въ три пополудни поданъ былъ сигналъ. Солдаты побѣжали съ фашинами и штурмовыми лѣстницами; на лѣвомъ флангѣ стоялъ Преображенскій полкъ съ бомбардирами, на правомъ семеновцы и бутырцы, въ центрѣ полкъ Лефортовъ. Первою задачею было овладѣть наружнымъ валомъ крѣпости, для чего Петръ Алексѣевъ самъ подвезъ телегу, наполненную хворостомъ и горючими веществами. До вала проникли, но были отбиты стремительною атакою осажденных. «Неодновратно, въ присутствіи его царскаго величества, былъ я сбрасываемъ передъ рavelиномъ», пишетъ Лефортъ, «и такъ какъ осажденные хотѣли показать всю свою силу, то генераль Гордонъ и полкъ изъ 2,000 человекъ, командуемый его величествомъ, принуждены были прекратить атаку и отступить, причѣмъ многіе были ранены, хотя и холостыми зарядами. Нѣкоторыми гренадерами были бросаемы гранаты изъ толстой бумаги (parier fort); кромѣ того, употреблялось нѣчто въ родѣ горшковъ или кувшиновъ, начиненныхъ четырьмя фунтами пороха. Мнѣ приказали отступить, но я былъ почти въ отчаяніи, что не могъ достигнуть цѣли моихъ желаній (*)... Я собралъ поспѣшно большую

(*) Штурмующихъ обливали также водою изъ мѣдныхъ трубъ и отбивались отъ нихъ длинными жердями, на концѣ которыхъ были зажженные смоляные пучки.

часть моего полка и бросился еще стремительнѣе, съ выстрѣлами (*cours de balles*), къ рavelину, такъ что при этомъ было ранено слишкомъ семьдесятъ человекъ и господствовало величайшее ожесточеніе (*la plus grande furie*). Когда Гордонъ и другіе увидѣли, что люди мои опять двинулись на штурмъ, и когда я развернулъ мое первое знамя (*mon premier drapeau*), вся армія ободрилась. Въ ту минуту, когда я самъ шелъ впереди войскъ, бросили въ меня горшокъ со слишкомъ четырьмя фунтами пороха, который, попавъ мнѣ въ правое плечо и въ ухо, произвелъ такое дѣйствіе, что весь я былъ обожженъ, именно на шеѣ, на правомъ ухѣ и на головѣ, и болѣе шести дней былъ слѣпъ. Не взирая на то, что кожа на моемъ лицѣ висѣла кусками, я успѣлъ водрузить знамя на рavelинѣ и затѣмъ всѣ рavelины были взяты. Запальчивостію моихъ солдатъ и другихъ, городъ или замокъ (*la ville ou un château*) былъ взятъ и многіе, при этомъ, ранены....» Осажденные обратились въ бѣгство, бросивъ не только внѣшніе верки, но и очистивъ крѣпость, такъ что побѣдители уже вошли въ нее, между тѣмъ какъ побѣжденные поспѣшно отступали въ свой укрѣпленный лагерь. Семеновскій полкъ занялъ всѣ части и содержалъ ночью караулы.

«Я былъ безусловно вынужденъ отступить», заключаетъ Лефортъ письмо къ брату, «потому что надлежало перевязать мои раны. Въ тотъ же вечеръ я удостоился многочисленныхъ почестей. Его величество принялъ живѣйшее участіе въ моей бѣдѣ, и ему угодно было ужинать у меня со всѣми первыми офицерами и боярами. Я угощалъ ихъ, хотя вся моя голова и лицо были облѣплены пластыремъ. Государь, увидѣвъ меня, сказалъ: «Сожалѣю о случившемся съ тобою несчастіи; ты сдержалъ слово, что скорѣе умрешь, чѣмъ оставишь крѣпость. Теперь мнѣ нечѣмъ наградить тебя, но я это исполню».

Лефортъ не удалялся съ мѣста побойща; поставлены были теплыя палатки, въ которыхъ онъ жилъ, въ продолженіе похода, до тѣхъ поръ, пока сталъ поправляться. На другой день собирались совѣщаться о томъ, что теперь дѣлать. Петръ былъ недоволенъ быстрымъ взятіемъ крѣпости: это было противно его плану; онъ хотѣлъ, для собственнаго поученія и упражненія, быть свидѣтелемъ полной и правильной осады. Потому Бутурлину было приказано вновь занять крѣпость и защищать ее до послѣдней крайности. Такъ и исполнилось 8-го числа, послѣ того какъ оттуда выступилъ генералъ Гордонъ, который наканунѣ содержалъ тамъ караулы. Когда же войска заняли первоначальныя мѣста расположенія, энергически возобновились и атака, и оборона. Осажденные работали надъ усиленіемъ

крѣпости; осажденные день и ночь строили траншеи, шанцы, редуты, подводили мины и т. д., готовясь къ штурму. Кромѣ того, осажденные дѣлали вылазки и держали въ постоянной тревогѣ осаждающихъ, которые, въ свою очередь, дѣйствовали огнемъ всей артиллеріи. Словомъ, обѣ стороны старались выполнить всѣ условія подлинной осады.

Князь Рамодановскій назначилъ штурмъ на 15-е число. Послѣ завтрака, его армія, снабженная всѣмъ необходимымъ для приступа, двинулась къ крѣпости, противъ которой, въ то же время, былъ открытъ огонь. Мина, подведенная подъ валъ, горѣла долго, прежде чѣмъ земля стала колебаться и образовалась брешь, черезъ которую Преображенскій полкъ ворвался въ крѣпостныя верки. Завязалась упрямая борьба со стрѣльцами. Несмотря на мужественное сопротивление, они были разбиты и принуждены отступить въ свой укрѣпленный лагерь. Побѣдители нашли въ «городѣ» множество знаменъ и барабановъ и взяли въ плѣнъ коменданта, генерала Трауернихта, съ четырьмя стрѣльцами полковниками.

Побѣжденный воевода не хотѣлъ, однако, сдаваться: онъ рѣшился окопаться въ своемъ лагерѣ и продолжать оборону. По этой причинѣ, на слѣдующій день дѣйствій не происходило, и только бомбардиры стрѣляли по лагерю изъ своихъ орудій, впрочемъ безъ особеннаго вреда. На третій день (17-го октября), Рамодановскій назначилъ новый штурмъ, для окончательнаго уничтоженія противника. Достигнуть этого было нетрудно: Бутурлинъ хотя и крѣпко держался за свои валы и палисады, но участь его рати была рѣшена: она положила оружіе и сдалась въ плѣнъ, отъ генералиссимуса до послѣдняго рядоваго.

По современному сказанію, боярина Бутурлина привели къ ставкѣ противника со связанными за спиною руками, въ сопровожденіи его главныхъ начальниковъ. Солдаты, стрѣльцы и проч. были, вмѣстѣ со своими полковниками, выстроены на полѣ въ одну линію; насупротивъ ихъ стали побѣдители, съ отбитыми трофеями; затѣмъ появился князь Рамодановскій и проѣхалъ между обѣими линіями, встрѣчаемый каждымъ полкомъ со всевозможными почестями. По окончаніи этой церемоніи, войска были распущены по своимъ палаткамъ, а на другой день лагерь былъ снятъ и всѣ участвовавшіе въ потѣшномъ бою разошлись по квартирамъ; но, предварительно, «генералиссимусъ» задалъ пиръ, о которомъ Гордонъ замѣчаетъ, что издержки были уплачены именитыми купцами или гостями (the goists). Изъ письма же Петра Лефорта видно, что и расходы на содержаніе

войскъ, во время всего маневра, были уплачены «гражданами» (московскими?) (*).

Генераль Лефортъ, довольно долго страдавшій глазами и отупленіемъ слуха, не удался, какъ сказано, съ поля маневровъ. Въ послѣдніе дни, несмотря на то что былъ облѣпленъ пластырями, онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ, причеъ, по его собственному признанію, едва не подвергся еще большому несчастію. Онъ извѣщалъ брата, что скоро перешлетъ ему подробное описаніе кожуховскаго похода, вѣроятно то самое описаніе, съ поэтическимъ отгѣнкомъ, которое приказалъ изготовить Петръ и при которомъ была принята за образецъ троянская война, съ ея героями (**).

Почти четырехнедѣльная, не некропролатная боевая потѣха при Божуховой была послѣднимъ маневромъ, послѣднею мирною школою предъ обширными военными предпріятіями Петра. Это была проба, на сколько подвинулся впередъ молодой царь съ преобразованиемъ своихъ вооруженныхъ силъ, какое войско создалъ онъ своею желѣзною волею, чтобы перейти къ дѣяніямъ, цѣлю которыхъ было возвеличеніе и усиленіе Россіи. Пять, лѣтъ трудился Петръ серьезно надъ изученіемъ военнаго ремесла на учебномъ плацу, на маневрахъ, въ артилерійской лабораторіи, когда, взявъ мечъ въ руки и выступивъ на боевое поле, явился не только мстителемъ своего народа наследственнымъ врагамъ, но и творцемъ великаго дѣла, дадеко выступившаго за предѣлы первоначальныхъ стремленій.

(*) Петръ Лефортъ находился въ Новгородѣ, когда узналъ подробности о кожуховскихъ событіяхъ и о несчастіи, постигшемъ его дядю. Онъ писалъ объ этомъ (13-го октября) своему отцу и заключилъ письмо слѣдующими словами: „Ce sont certains divertissemens qui ne valent à rien, et dans une occasion comme cela on peut jouer un mauvais tour. C'est trop peu pour faire la guerre, et trop pour jouer, et cela coute beaucoup à bourgeois, car c'est eux qui ont entretenu tous ces gens pendant quatre semaines“. („Подобныя потѣхи никуда не годятся, и въ случаяхъ, какъ настоящій, онъ плохая шутка. Для войны это слишкомъ мало, для забавы черезчуръ много, да и дорого обходится гражданамъ, содержавшимъ на свой счетъ всѣхъ этихъ людей въ продолженіе четырехъ недѣль“).

(**) Это описаніе, долженствовавшее быть переведеннымъ на французскій языкъ, не дошло, кажется, до Женевы, потому что слѣдovъ его нигдѣ не отыскано. Замѣчательно, что описаніе кожуховскаго похода затерялось и въ Россіи, и было отыскано и напечатано только въ 1859-году. Въ 1824 году помещена была въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (часть 1X, стр. 337) статья штабъ-капитана генеральнаго штаба Корниловича, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о первыхъ маневрахъ Петра и особенно о кожуховскомъ походѣ, и основанная на рукописи, которая принадлежитъ Ѡ. Н. Глинику. Въ „Дневникѣ“ Гордона объ этомъ походѣ упоминается на стр. 485 — 491 второй части. См. также „Записка“ Желябужскаго и „Военный Сборникъ“ 1860 № 1-й.

(Продолженіе будетъ.)